

Источник: Двенадцатая ночь, или что угодно. Перевод Э. Л. Линецкой // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. М.: Искусство, 1959. Т. 5. С. 113-217. + Аникст А. Двенадцатая ночь, или что угодно // Там же. С. 600-606.+ Смирнов А. Примечания к тексту «Двенадцатая ночь, или что угодно» // Там же. С. 606-608.

113

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Орсино, герцог Иллирийский.

Себастьян, брат Виолы.

Антонио, капитан корабля, друг Себастьяна.

Капитан корабля, друг Виолы.

Валентин

Курио

Сэр Тоби Белч, дядя Оливии.

Сэр Эндрю Эггючик.

Мальволио, дворецкий Оливии.

Фабриан

Фесте, шут

Оливия.

Виола.

Мария, камеристка Оливии.

} приближенные герцога

} слуги Оливии.

Придворные, священник, матросы, пристава, музыканты, слуги.

Место действия – город в Иллирии и морской берег вблизи него.

115

АКТ I.

СЦЕНА 1.

Дворец герцога

Входят Герцог, Курио и другие придворные; музыканты.

ГЕРЦОГ

О музыка, ты пища для любви!

Играйте же, любовь мою насытьте,

И пусть желанье, утолясь, умрет!

Вновь повторите тот напев щемящий, –

Он слух ласкал мне, точно трепет ветра,

Скользнувший над фиалками тайком,

Чтоб к нам вернуться, ароматом вея.

Нет, хватит! Он когда-то был нежнее...

Как ты могуч, как дивен, дух любви!
Ты можешь все вместить, подобно морю,
Но то, что попадет в твою пучину,
Хотя бы и ценнейшее на свете,
Утрачивает ценность в тот же миг:
Такого обаянья ты исполнен,
Что подлинно чаруешь только ты!

КУРИО

Угодно ль вам охотиться сегодня?

ГЕРЦОГ

А на какого зверя?

116

КУРИО

На оленя.

ГЕРЦОГ

О Курио, я сам оленем стал!
Когда мой взор Оливию увидел,
Как бы очистился от смрада воздух,
А герцог твой в оленя превратился,
И с той поры, как свора жадных псов,
Его грызут желанья...

Входит В А Л Е Н Т И Н .

Наконец-то!
Какую весть Оливия мне шлет?

В А Л Е Н Т И Н

Я не был к ней допущен, ваша светлость.
Служанка мне передала ответ,
И он гласил, что даже небеса,
Ее лица открытым не увидят,
Пока весна семь раз не сменит зиму.
Росою слез кропя свою обитель,
Она затворницею станет жить,
Чтоб нежность брата, отнятого гробом,
В скорбящем сердце не могла истлеть.

ГЕРЦОГ

О, если так она платить умеет
Дань сестринской любви, то как полюбит,
Когда пернатой золотой стрелой

Убиты будут все иные мысли,
Когда престолы высших совершенств
И чувств прекрасных – печень, мозг и сердце –
Навек займет единый властелин! –
Идемте же под своды роц зеленых;
Их тень сладка мечтаниям влюбленных.

Уходят.

СЦЕНА 2.

Берег моря.

Входят ВИОЛА, КАПИТАН и матросы.

ВИОЛА

Где мы сейчас находимся, друзья?

117

КАПИТАН

Мы, госпожа, в Иллирию приплыли.

ВИОЛА

Но для чего в Иллирии мне жить,
Когда мой брат в Элизии блуждает?
А вдруг случайно спасся он?

КАПИТАН

Возможно:
Ведь вы спаслись!

ВИОЛА

Увы! Мой бедный брат...
Какой бы это был счастливый случай!

КАПИТАН

Но, госпожа, должно быть, так и есть:
Когда разбился наш корабль о скалы
И все мы – горсть оставшихся в живых –
Носились по волнам в убогой лодке,
Ваш брат, сообразительный в беде,
Наученный отвагой и надеждой,
Себя к плывущей мачте привязал
И, оседлав ее, поплыл по морю,
Как на спине дельфина – Арион.
Я это видел сам.

В И О Л А

Вот золото в награду за рассказ.
Он укрепляет робкую надежду,
Рожденную спасением моим,
Что жив и брат. Ты здесь бывал?

КАПИТАН

Еще бы!
Не больше трех часов ходьбы отсюда
То место, где родился я и рос.

В И О Л А

Кто правит здесь?

КАПИТАН

Высокородный и достойный герцог.

118

В И О Л А

А как его зовут?

КАПИТАН

Орсино.

В И О Л А

Орсино! Мой отец о нем не раз
Мне говорил. Тогда был холост герцог.

КАПИТАН

Он холост был, когда я вышел в море,
А с той поры минул всего лишь месяц,
Но слух прошел, – ведь любит мелкий люд
Судачить о делах людей великих, –
Что герцог наш в Оливию влюблен.

В И О Л А

А кто она?

КАПИТАН

Прелестная и юная дочь графа.
Он умер год назад, ее оставив
На попечение сына своего.
Тот вскоре тоже умер, и, по слухам,
Оливия, скорбя о милом брате,
Решила жить затворницей.

В И О Л А

О если б
Я к ней на службу поступить могла,
До времени скрывая от людей,
Кто я такая!

КАПИТАН

Это будет трудно:
Она не хочет сидеть никого
И даже герцога не принимает.

В И О Л А

Ты с виду прям и честен, капитан.
Хотя природа в благородный облик
Порой вселяет низменное сердце,
Мне кажется, в твоих чертах открытых,

119

Как в зеркале, отражена душа.
Поверь, тебя вознагражу я щедро, –
Ты лишь молчи, кто я на самом деле,
И помоги мне раздобыть одежду,
Пригодную для замыслов моих.
Я к герцогу хочу пойти на службу.
Шепни ему, что я не я, а евнух...
Он будет мной доволен: я пою,
Играю на различных инструментах.
Как дальше быть – увидим, а пока
Пусть правда не сорвется с языка.

КАПИТАН

Вы евнух, я немой... Ну что ж, клянусь:
Коль проболтаюсь, тотчас удавлюсь.

В И О Л А

Благодарю. Идем.

Уходят.

СЦЕНА 3.

Дом Оливии.

Входят СЭР ТОБИ БЕЛЧ и МАРИЯ.

СЭР ТОБИ

Ну какого дьявола моя племянница так убивается о своем покойном братце? Горе вредит здоровью, это всякий знает.

МАРИЯ

А вы, сэр Тоби, пораньше возвращались бы домой. Когда вы поздно засиживаетесь Бог весть где, ваша племянница, моя госпожа, прямо из себя выходит.

СЭР ТОБИ

Ну и пусть себе выходит на все четыре стороны!

МАРИЯ

Нет, нехорошо, что вы являетесь в таком неприличном виде.

СЭР ТОБИ

А что в нем неприличного, скажи на милость? Самый подходящий

120

для выпивки вид. И ботфорты хоть куда. А если никуда, так пусть повесятся на собственных ушках!

МАРИЯ

Не доведут вас до добра кутежи и попойки. Вчера об этом говорила госпожа, я сама слышала. И еще она поминала вашего дурацкого собутыльника, которого вы притащили сюда ночью и навязывали ей в женихи.

СЭР ТОБИ

Ты это о ком? О сэре Эндрю Эгьючике?

МАРИЯ

О ком же еще?

СЭР ТОБИ

Ну, он почище многих в Иллирии.

МАРИЯ

Нам-то что от его чистоты?

СЭР ТОБИ

А то, что у него три тысячи дукатов в год.

МАРИЯ

Ему и на полгода всех его дукатов не хватит, – такой он дурак и мот.

СЭР ТОБИ

Ну что ты болтаешь! Он и на виоле играет, и на нескольких языках как по писаному говорит, и вообще богатая натура.

МАРИЯ

Еще бы! Дурак пренатуральный! И не только дурак, но и забияка: разумные люди говорят, что, если бы его задор не ходил в одной упряжке с трусостью, быть бы ему давным-давно покойником.

СЭР ТОБИ

Клянусь этой рукой, они мерзавцы и клеветники, коли несут такую чушь! Кто это тебе наплел?

121

МАРИЯ

Те самые, от которых я узнала, что он вдобавок ко всему вечера не пропустит, чтобы не выпить в вашем обществе.

СЭР ТОБИ

Все потому, что пьет за мою племянницу. Я буду пить за нее, пока у меня глотка не зарастет, а в Иллирии вино не переведется. Трус и мерзавец, кто не желает пить за мою племянницу, пока мозги не полетят вверх тормашками. Тсс, красотка! Castiliano vulgo¹! Сюда шествует сэр Эндрю Чикчирик!

Входит Сэр Эндрю Эгьючик.

СЭР ЭНДРЮ

Сэр Тоби Белч! Как живете, сэр Тоби Белч?

СЭР ТОБИ

Дражайший сэр Эндрю!

СЭР ЭНДРЮ

Приветствую тебя, миленькая злючка!

МАРИЯ

И я вас тоже, сударь!

СЭР ТОБИ

Наступай, сэр Эндрю, наступай!

СЭР ЭНДРЮ

Кто это?

СЭР ТОБИ

Камеристка моей племянницы.

СЭР ЭНДРЮ

Милейшая миссис Наступай, я бы не прочь познакомиться с тобой поближе.

МАРИЯ

Меня зовут Мэри, сударь.

СЭР ЭНДРЮ

Милейшая миссис Мэри Наступай...

122

СЭР ТОБИ

Ты не понял, рыцарь. «Наступай» - это значит «смелей», «не робей», «атакуй», «штурмуй»!

СЭР ЭНДРЮ

Ну, знаете, вы столько насчитали, что мне к ней теперь и подступиться страшно. Вот так «наступай»!

МАРИЯ

Желаю вам всего хорошего, господа мои.

СЭР ТОБИ

Чтоб тебе никогда не работать твоей шпагой, сэр Эндрю, если ты так отпустишь эту красотку!

СЭР ЭНДРЮ

Чтоб мне никогда не работать моей шпагой, милочка, если я так тебя отпущу. Ты что же, красавица, за дураков нас держишь?

МАРИЯ

Да нет, сударь, я за вас не держусь.

СЭР ЭНДРЮ

А ты попробуй, поддержишь: вот моя рука.

МАРИЯ

Сударь, хотенье ваше, да позволение наше. Лучше отнесли бы вы свою руку в погреб и угостили бы ее элем покрепче.

СЭР ЭНДРЮ

Это зачем, душечка? Что-то мне непонятна твоя шутка.

МАРИЯ

Уж очень вы сухорукий.

СЭР ЭНДРЮ

Вот это верно: осел я, что ли, чтобы ходить с мокрыми руками? Но в чем все-таки соль твоей шутки?

МАРИЯ

Для вас, сударь, она чересчур соленая.

СЭР ЭНДРЮ

И много их у тебя припасено?

123

МАРИЯ

Уж на вас-то моего запаса хватит... А вот сейчас я отпустила вашу руку и сразу обезопасилась. *(Уходит.)*

СЭР ТОБИ

Ох, рыцарь, подкрепись-ка скорее стаканчиком канарского: отроду не видел, чтобы тебя так здорово укладывали на обе лопатки.

СЭР ЭНДРЮ

Пожалуй, что и не видел...Нет, канарское тоже здорово укладывало. Ей-ей, мне иногда кажется, что у меня ума не больше, чем у любого христианина, а может, и вообще чем у любого человека. Но я большой любитель говядины, а говядина, наверно, вредит моему остроумию.

СЭР ТОБИ

Ну разумеется!

СЭР ЭНДРЮ

Если б я и вправду так думал, ни за что не стал бы ее есть. Сэр Тоби, завтра я уезжаю домой.

СЭР ТОБИ

Ρουιϗουί², мой дорогой рыцарь?

СЭР ЭНДРЮ

Что это означает – «ρουιϗουί»? Ехать или не ехать? Эх, если бы я убил на изучение языков то время, которое перевел на фехтование, танцы и медвежью охоту! Если бы я развивал себя!

СЭР ТОБИ

Твоим волосам это ни к чему.

СЭР ЭНДРЮ

А при чем тут мои волосы?

СЭР ТОБИ

Как это – при чем? Они же у тебя отроду не вились.

СЭР ЭНДРЮ

Ну и что же? Разве они мне не к лицу?

124

СЭР ТОБИ

Очень к лицу: висят, как лен на прялке. Вот ты обзаведешься женой, и я еще посмотрю, как она зажмет тебя промеж колен да как начнет пряхть – только держись.

СЭР ЭНДРЮ

Ей-богу, завтра же я уеду. Твоя племянница не желает меня видеть. А если и пожелает, то бьюсь об заклад, что в мужья себе не возьмет: ведь за ней бегают сам герцог.

СЭР ТОБИ

А герцог ей ни к чему: она ни за что не выйдет за человека старше себя, или богаче, или умней; я сам слышал, как она в этом клялась. Так что не все еще пропало, дружище.

СЭР ЭНДРЮ

Ну ладно, останусь на месяц. Станный у меня нрав: иной раз мне бы только ходить на балы и маскарады...

СЭР ТОБИ

И ты способен на такие дурачества, рыцарь?

СЭР ЭНДРЮ

Могу потягаться с кем угодно в Иллирии, – конечно, не считая тех, кто знатнее меня; ну, а старикам я и вовсе в подметки не гожусь.

СЭР ТОБИ

И ты умеешь отплясывать гальярду, рыцарь?

СЭР ЭНДРЮ

Еще бы! Я так выписываю козлиные коленца...

СЭР ТОБИ

Не лучше, чем я уписываю бараньи ляжки!

СЭР ЭНДРЮ

А уж в прыжке назад мне не найдется равных во всей Иллирии.

СЭР ТОБИ

Так почему все эти таланты чахнут в неизвестности? Почему скрыты от нас завесой? Или они так же боятся пыли, как портреты миссис Молл? Почему, идучи в церковь, ты не отплясываешь гальярду, а возвращаясь, не танцуешь куранту? Будь я тобой,

125

я всегда на ходу откалывал бы джигу и даже мочился бы в темпе контрданса. Как же так? Разве можно в этом мире скрывать свои дарования? У тебя икры такой восхитительной формы, что, бьюсь об заклад, они были созданы под звездой гальярды.

СЭР ЭНДРЮ

Да, икры у меня сильные и в оранжевых чулках выглядят совсем недурно. А не пора ли выпить?

СЭР ТОБИ

Что еще нам остается делать? Мы же родились под созвездием Тельца!

СЭР ЭНДРЮ

Телец? Это который грудь и сердце?

СЭР ТОБИ

Нет, сударь, это который ноги и бедра. А ну-ка, покажи свои коленца. Выше! Еще выше! Отменно!

Уходят.

СЦЕНА 4

Дворец герцога.

Входят ВАЛЕНТИН и ВИОЛА в мужском платье.

ВАЛЕНТИН

Цезарио, если герцог и впредь будет так благоволить к вам, вы далеко пойдете: он вас знает всего три дня и уже приблизил к себе.

ВИОЛА

Если вы не уверены в длительности его благоволения, значит, опасаетесь изменчивости его нрава или моей нерадивости. Вы считаете, что герцог непостоянен в своих привязанностях?

ВАЛЕНТИН

Помилуйте, я вовсе не то хотел сказать!

ВИОЛА

Благодарю вас. А вот и герцог.

Входят ГЕРЦОГ, КУРИО и придворные.

ГЕРЦОГ

Кто знает, где Цезарио?

126

ВИОЛА

Я здесь, к услугам вашим, государь.

ГЕРЦОГ

Пусть станут все поодаль. – Я прочел,
Цезарио, тебе всю книгу сердца.
Ты знаешь все. К Оливии пойди,
Стань у дверей, не принимай отказа,
Скажи, что ты ногами врос в порог,
И встречи с ней добейся.

ВИОЛА

Господин мой,
Она меня не примет, если правда,
Что так полна тоской ее душа.

ГЕРЦОГ

Шуми, стучи, насильно к ней ворвись,
Но поручение мое исполни.

ВИОЛА

Положим, я свиданья с ней добьюсь:
Что мне сказать ей?

ГЕРЦОГ

Пусть она поймет
Всю преданность, весь пыл моей любви.
Рассказывать о страсти и томленье
Пристало больше юности твоей,
Чем строгому, внушительному старцу.

ВИОЛА

Не думаю.

ГЕРЦОГ

Поверь мне, милый мальчик:
Кто скажет о тебе, что ты мужчина,
Тот оклеветает дней твоих весну.
Твой нежный рот румян, как у Дианы,
Высокий голосок так чист и звонок,
Как будто сотворен для женской роли.
Твоя звезда для дел такого рода

127

Благоприятна. Пусть с тобой идут
Вот эти трое. – Нет, вы все идите!
Мне легче одному. – Вернись с удачей
И заживешь привольно, как твой герцог,
С ним разделив счастливую судьбу.

ВИОЛА

Я постараюсь к вам склонить графиню.

(В сторону.)

Мне нелегко тебе жену добыть:
Ведь я сама хотела б ею быть!

Уходят.

СЦЕНА 5.

Дом Оливии.

Входят МАРИЯ и ШУТ.

МАРИЯ

Говори сейчас же, где ты пропадал, а не то я вот на столечко губ не разожму, чтобы выпросить тебе прощение; за эту отлучку госпожа тебя повесит.

ШУТ

Ну и пусть вешает: кто повешен палачом, тому и смерть нипочем.

МАРИЯ

Это еще почему?

ШУТ

Потому, что двум смертям не бывать, а одной не миновать.

МАРИЯ

Плоская острота. Знаешь, кто говорит: «двум смертям не бывать»?

ШУТ

Кто, почтенная Мэри?

МАРИЯ

Отважные воины. А у тебя хватает отваги только на глупую болтовню.

128

ШУТ

Что ж, дай бог мудрецам побольше мудрости, а дуракам побольше удачи.

МАРИЯ

И все равно за такую долгую отлучку тебя повесят. Или выгонят. А какая тебе разница – выгонят тебя или повесят?

ШУТ

Если повесят на доброй веревке, то уже не женят на злой бабе, а если выгонят, так летом мне море по колено.

МАРИЯ

Значит, ты уже не цепляешься за это место?

ШУТ

Нет, не скажи. Две зацепки у меня все-таки остались.

МАРИЯ

Выходит, что если одна лопнет, так другая останется, а если обе лопнут, то штаны свалятся?

ШУТ

Ловко отбрила, ей-богу, ловко! Продолжай в том же духе, и, если еще вдобавок сэръ Тоби бросит пить, я буду почитать тебя за самую занозистую из всех дочерей Евы в Иллирии.

МАРИЯ

Ладно, негодный плут, придержи язык. Сюда идет госпожа: попроси у нее прощения, да как следует, с умом, – тебе же будет лучше. (*Уходит.*)

ШУТ

Остроумие, если будет на то воля твоя, научи меня веселому дурачеству! Умники часто думают, что они бог весть как остроумны, и все-таки остаются в дураках, а я вот знаю, что неостроумен, однако иной раз могу сойти за умника. Недаром Квинапал изрек: «Умный дурак лучше, чем глупый остряк».

Входят Оливия и Мальволио.

Благослови вас бог, госпожа!

ОЛИВИЯ

Уберите отсюда это глупое существо.

129

ШУТ

Слышите, что говорит госпожа? Уберите ее отсюда!

ОЛИВИЯ

Пошел вон, дурак, твое остроумие иссякло! Видеть тебя не могу! К тому же у тебя нет совести.

ШУТ

Мадонна, эти пороки можно поправить вином и добрым советом: дайте иссякшему дураку вина – и он наполнится; дайте бессовестному человеку добрый совет – и он исправится. А если не исправится, – позовите костоправа, и тот уж справится. Все, что поправлено, – только залатано: дырявая добродетель залатана грехом, а исправленный грех залатан добродетелью. Годится вам такой простой силлогизм – отлично; не годится – что поделаешь? Несчастье всегда рогоносец, а красота – цветок. Госпожа велела убрать глупое существо? Вот я и говорю: уберите ее.

О л и в и я

Я приказала убрать тебя.

Ш у т

Какая несправедливость! Госпожа, *cucullus non facit monachum*³, а это значит, что дурацкий колпак мозгов не портит. Достойная мадонна, позвольте мне доказать вам, что это вы – глупое существо.

О л и в и я

И ты думаешь, тебе это удастся?

Ш у т

Несомненно.

О л и в и я

Что ж, попробуйся.

Ш у т

Для этого мне придется допросить вас, достойная мадонна: отвечайте мне, моя невинная мышка.

О л и в и я

Спрашивай: все равно других развлечений нет.

130

Ш у т

Достойная мадонна, почему ты грустишь?

О л и в и я

Достойный дурак, потому что у меня умер брат.

Ш у т

Я полагаю, что его душа в аду, мадонна.

Оливия

Я знаю, что его душа в раю, дурак.

Шут

Мадонна, только круглый дурак может грустить о том, что душа его брата в раю. – Люди, уберите отсюда это глупое существо!

Оливия

Мальволио, что вы скажете о нашем шуте? Он, кажется, начинает исправляться.

Мальволио

Еще бы! Теперь он все время будет исправляться, пока смерть не пришибет его. Старость только умным вредит, а дуракам она на пользу.

Шут

Дай тебе бог, сударь, скоропостижно состариться и стать полезным дураком. Сэр Тоби побьется об заклад, что я не лисица; но он и двумя пенсами не поручится, что ты не болван.

Оливия

Что вы теперь скажете, Мальволио?

Мальволио

Не могу понять, как ваша милость терпит этого пустоголового мерзавца: недавно на моих глазах он спасовал перед обыкновенным ярмарочным шутком, безмозглым как бревно. Видите, он сразу и онемел. Когда вы не смеетесь и не поощряете его, он двух слов связать не может. По-моему, умники, которые хихикают над остротами таких завязых дураков, сами не лучше балаганных фигляров.

Оливия

Мальволио, у вас большое самолюбие: оно не переваривает шуток. Человек благородный, чистосердечный и непредубежденный

131

считает такие остроты безвредными горошинами, а вам они кажутся пушечными ядрами. Домашний шут не может

оскорбить, даже если он над всем издевается, так же как истинно разумный человек не может издеваться, даже если он все осуждает.

Ш у т

Да ниспошлет тебе Меркурий умение складно врать в награду за твое доброе слово о шутах!

Входит МАРИЯ.

МАРИЯ

Сударыня какой-то молодой человек у ворот очень хочет вас видеть.

О л и в и я

От герцога Орсино, вероятно?

МАРИЯ

Не знаю, сударыня. Красивый юноша, и свита у него не маленькая.

О л и в и я

А кто его не пропускает?

МАРИЯ

Ваш родственник, сударыня, сэр Тоби.

О л и в и я

Уведи его оттуда, пожалуйста: вечно он несет всякую чепуху. Просто стыдно за него!

МАРИЯ уходит.

Пойдите вы, Мальволио. Если это посланец герцога то я больна или меня нет дома – все что угодно, только спровадьте его.

МАЛЬВОЛИО уходит.

Теперь ты сам видишь, сударь, что твои шутки обросли бородой и никого не смешат.

Ш у т

Ты так заступалась за нас, мадонна, словно твоему старшему сыну на роду написано быть дурачком. Желаю тебе, чтобы Юпитер

не поспешил на мозги для его черепа, а то у одного из твоих родственников – вот и он, кстати! – *ria mater*⁴ совсем размягчилась.

Входит СЭР ТОБИ.

ОЛИВИЯ

Честное слово, он уже успел выпить! Дядя, кто это там у ворот?

СЭР ТОБИ

Дворянин.

ОЛИВИЯ

Дворянин? Какой дворянин?

СЭР ТОБИ

Этот дворянин... *(Икает.)* А будь она неладна, эта маринованная селедка! - Как дела, дурень?

ШУТ

Достойный сэр Тоби!

ОЛИВИЯ

Дядя, дядя, еще совсем рано, а вы уже дошли до такого неподобия!

СЭР ТОБИ

Преподобия? Плевал я на преподобие! Пускай себе стоит у ворот!

ОЛИВИЯ

Да кто же там, наконец?

СЭР ТОБИ

Хоть сам черт, если ему так нравится, мне-то что? Уж кто-кто, а я врать не стану. Да что с вами разговаривать! *(Уходит.)*

ОЛИВИЯ

Дурак, на кого похож пьяный?

ШУТ

На утопленника, дурака и сумасшедшего: с одного лишнего глотка он дуреет, со второго – сходит с ума, с третьего – идет ко дну.

133

Оливия

Пойди-ка и приведи пристава, пусть освидетельствует тело моего дядюшки: он в третьей степени опьянения, значит, уже утонул. Присмотри за ним.

Шут

Нет, мадонна, пока что он еще только спятил; придется дураку присмотреть за сумасшедшим. (*Уходит.*)

Входит Мальволио.

Мальволио

Сударыня, этот молодой человек хочет видеть вас во что бы то ни стало. Я сказал, что вы больны; он ответил, что знает и именно поэтому хочет вас видеть. Я сказал, что вы спите; это он тоже предугадал, и как раз поэтому ему особенно нужно вас видеть. Что ему ответить, сударыня? Его не собьешь никакими отговорками.

Оливия

Скажите ему, что он меня не увидит.

Мальволио

Говорил. Он ответил, что будет стоять у ваших ворот, как столб у дверей шерифа, и что дождется вас, даже если из него сделают подпорку для скамьи.

Оливия

Какого рода он человек?

Мальволио

Мужского, разумеется.

Оливия

Да нет, какого сорта?

Мальволио

Хуже не бывает: хотите или не хотите, но он к вам прорвется.

ОЛИВИЯ

Каков он на вид и сколько ему лет?

МАЛЬВОЛИО

Для мужчины мало, для мальчика много: незрелый стручок, зеленое яблочко. Он, так сказать, ни то ни се: серединка наполовинку

134

между мальчиком и женщиной. Он очень хорош собой и очень задирист. С вашего позволения, у него еще молоко на губах не обсохло.

ОЛИВИЯ

Пусть войдет. Только раньше позовите мою камеристку.

МАЛЬВОЛИО

Мария, вас зовет госпожа! (*Уходит.*)

Входит МАРИЯ.

ОЛИВИЯ

Закрой лицо мне этим покрывалом:
Посол Орсино к нам сейчас придет.

Входят ВИОЛА и придворные.

ВИОЛА

Кто из вас достойная хозяйка этого дома?

ОЛИВИЯ

Обращайтесь ко мне: я отвечу за нее. Что вам угодно?

ВИОЛА

Ослепительнейшая, прелестнейшая и несравненнейшая красавица, скажите мне, действительно ли вы хозяйка этого дома. Я никогда ее не видел, и мне не хотелось бы пустить по ветру свое красноречие: не говоря уже о том, что я сочинил замечательную речь, мне еще стоило немалого труда вытвердить ее наизусть! – Милые красавицы, не вздумайте насмехаться надо мной: я очень обижаюсь, когда со мной неласково обходятся.

ОЛИВИЯ

Откуда вы явились, сударь?

В И О Л А

Мне трудно сказать что-нибудь сверх того, что я заучил, а этого вопроса нет в моей роли. Благородная дама, дайте мне хоть какое-нибудь доказательство того, что вы – хозяйка этого дома, иначе я не смогу произнести свою речь.

О л и в и я

Вы комедиант?

135

В И О Л А

Нет, мое глубокомысленное сердечко, хотя, клянусь клыками хитрости, я действительно не тот, кого играю. Вы хозяйка дома?

О л и в и я

Если я не присваиваю себе собственных прав, то я.

В И О Л А

Конечно, присваиваете, если вы - это она, так как то, что вы можете отдать, вы уже не можете оставить при себе. Впрочем, я превышаю свои полномочия. Сейчас я произнесу похвальное слово в вашу честь, а потом перейду к сути дела.

О л и в и я

Начните с главного; похвалы можете опустить.

В И О Л А

Но я так старался их затвердить, и они так поэтичны!

О л и в и я

Значит, особенно лживы: оставьте их про себя. Мне сказали, что вы дерзко вели себя у ворот, и я впустила вас больше из желания увидеть, чем услышать. Если вы не в себе – уходите, если в здравом рассудке – будьте кратки. Я сейчас не расположена к препирательствам.

М А Р И Я

Не поднять ли вам паруса? Плывите к дверям.

В И О Л А

Нет, дорогой боцман, я еще подрейфую здесь. - Утихомирьте вашего великана, прелестная дама.

Оливия

Говорите, что вам угодно?

Виола

Я посланец.

Оливия

Должно быть, вы посланы с бесчестным поручением, если вам так трудно изложить его. Приступайте к делу.

Виола

Оно предназначено только для вашего слуха. Я не собираюсь

136

объявлять войну или требовать дань: у меня в руках оливковая ветвь. Слова мои и намерения полны миролюбия.

Оливия

Однако начали вы с грубости. Кто вы такой? Чего вы хотите?

Виола

Эта грубость рождена приемом, который мне здесь оказали. Кто я и чего хочу, должно быть окружено не меньшей тайной, чем девственность. Для ваших ушей – святое откровение, для посторонних – кощунство.

Оливия

Оставьте нас одних: послушаем это откровение.

Мария и придворные уходят.

Итак, сударь, что гласит текст?

Виола

Очаровательнейшая властительница...

Оливия

Очень приятная доктрина, и развивать ее можно без конца. Где хранится подлинник текста?

Виола

В груди у Орсино.

О л и в и я

В его груди? В какой именно части?

В и о л а

Если быть точным, то в самой середине сердца.

О л и в и я

Я его читала: это ересь. Больше вам нечего сказать?

В и о л а

Достойная госпожа, позвольте мне взглянуть на ваше лицо.

О л и в и я

Ваш господин поручил вам вступить в переговоры с моим лицом? Вы явно отклонились от текста. Но мы отдернем занавес и

137

покажем вам картину. Смотрите, сударь, вот какова я сейчас. Правда, недурная работа?

(Откидывает покрывало.)

В и о л а

Превосходная, если это действительно дело рук божьих.

О л и в и я

Краска прочная, сударь: не боится ни дождя, ни ветра.

В и о л а

Да, подлинно прекрасное лицо!
Рука самой искусницы-природы
Смешала в нем румянец с белизной.
Вы самая жестокая из женщин,
Коль собираетесь дожить до гроба,
Не снявши копий с этой красоты.

О л и в и я

Что вы, сударь, я совсем не так бессердечна! Поверьте, я обязательно велю составить опись всех моих прелестей: их внесут в реестр и на каждой частице и принадлежности наклеят ярлык с наименованием. Например: первое – пара губ, в меру красных; второе – два серых глаза и к ним в придачу веки; третье – одна шея, один подбородок... и так далее. Вас послали, чтобы оценить меня?

В И О Л А

Я понял вас: вы чересчур надменны.
Но, будь вы даже ведьмой, вы красивы.
Мой господин вас любит. Как он любит!
Будь вы красивей всех красавиц в мире,
Такой любви не наградить нельзя.

О л и в и я

А как меня он любит?

В И О Л А

Беспредельно.
Напоминают гром его стенанья,
Вздых опалает пламенем, а слезы
Подобны плодоносному дождю.

О л и в и я

Он знает, что его я не люблю.
Не сомневаюсь, он душой возвышен

138

И, несомненно, молод, благороден,
Богат, любим народом, щедр, учен, –
Но все-таки его я не люблю,
И это он понять давно бы должен.

В И О Л А

Люби я вас, как любит мой властитель,
С таким несокрушимым постоянством,
Мне был бы непонятен ваш отказ,
И в нем я не нашел бы смысла.

О л и в и я

Да?
А что б вы сделали?

В И О Л А

У вашей двери
Шалаш я сплел бы, чтобы из него
Взывать к возлюбленной; слагал бы песни
О верной и отвергнутой любви
И распевал бы их в глухую полночь;
Кричал бы ваше имя, чтобы эхо
«Оливия!» холмам передавало:
Вы не нашли бы на земле покоя,

Пока не сжалились бы.

О л и в и я

Вам дано
Достигнуть многого... Кто родом вы?

В и о л а

Я жребием доволен, хоть мой жребий
И ниже, чем мой род: я дворянин.

О л и в и я

Вернитесь к герцогу и передайте:
Я не люблю его. Пусть он не шлет
Послов ко мне. Вот разве вы зайдите,
Чтоб рассказать, как принял вас Орсино.
А это вам на память обо мне.

(Протягивает кошелек.)

В и о л а

Я не посыльный. Спрячьте кошелек:
Не мне, а герцогу нужна награда.

139

Пусть камнем будет сердце у того,
Кто вам внушит любовь; пусть он отвергнет
С презрением холодным вашу страсть,
Как вы отвергли герцога Орсино.
Прощайте же, прекрасная жестокость!

(Уходит.)

О л и в и я

«Кто родом вы?» – «Я жребием доволен,
Хотя мой жребий ниже, чем мой род:
«Я дворянин». Клянусь, что это так!
Поступки, речь, движения, лицо –
Вот твой дворянский герб... Спокойней, сердце!
Когда б слуга был господином... Боже!
Ужели так заразна эта хворь?
Я чувствую, что, крадучись беззвучно,
Очарованье юного посланца
В мои глаза проникло... Будь что будет! –
Мальволио, сюда!

Входит М а л ь в о л и о .

МАЛЬВОЛИО

Я здесь, графиня.

ОЛИВИЯ

Беги скорей за юношей упрямым,
За герцогским послем, и этот перстень
Верни ему, скажи – он мне не нужен.
Я не хочу надеждами пустыми
Манить Орсино – я не для него.
Вот если юноша зашел бы завтра –
Я объяснила б все... Иди, не медли!

МАЛЬВОЛИО

Сударыня, иду.

(Уходит.)

ОЛИВИЯ

Что делаю – сама не понимаю:
Я не уму, а лишь глазам внимаю...
Нет, человек не властен над собой!
Пусть будет так, как решено судьбой.

(Уходит.)

140

АКТ II.

СЦЕНА 1.

Берег моря.

Входят СЕБАСТЬЯН и АНТОНИО.

АНТОНИО

Значит, вы не хотите остаться у меня? И не хотите, чтоб я вас проводил?

СЕБАСТЬЯН

Простите великодушно, не хочу. Звезда моя еле мерцает во мраке; судьба ко мне столь враждебна, что может обрушиться и на вас. Поэтому я должен разлучиться с вами и одиноко нести свои невзгоды. Я плохо отблагодарил бы вас за расположение ко мне, если бы переложил их хоть отчасти на ваши плечи.

АНТОНИО

Скажите хотя бы, куда вы идете?

СЕБАСТЬЯН

Нет-нет, сударь! Мой путь – это путь скитаний. Но вы, я вижу, так скромны, что даже не пытаетесь выведать то, о чем до сих пор я умалчивал: тем легче мне повиноваться учтивости и рассказать о себе. Знайте, Антонио, что, хотя я назвался Родриго, зовут меня Себастьяном. Отец мой был тем самым Себастьяном из Мессалина, о котором, как мне кажется, вы слышаны.

141

После его смерти остались близнецы, рожденные в один и тот же час, – я и моя сестра. Почему судьбе не было угодно, чтобы мы и погибли одновременно? Но этому помешали вы, сударь, ибо за час до того, как вы спасли меня от ярости волн, моя сестра утонула.

АНТОНИО

Боже милосердный!

СЕБАСТЬЯН

Хотя люди говорили, что мы с ней очень похожи, многие считали ее красавицей. Разумеется, я был не вправе разделять их восхищение, но одно я утверждаю смело: и сама зависть признала бы, что ее душа была прекрасна. Сударь, сестра моя уже утонула в соленой воде, а я все еще, как видите, топлю память о ней в соленых слезах.

АНТОНИО

Вы уж не взыщите, что я не мог принять вас как подобает.

СЕБАСТЬЯН

Добрый мой Антонио, это я должен просить у вас прощения за то, что доставил вам столько хлопот.

АНТОНИО

Если вы не хотите в награду за преданность казнить меня, позвольте мне быть вашим слугой.

СЕБАСТЬЯН

Если вы не хотите разрушить дело рук своих и убить человека, которого вернули к жизни, не просите меня об

этом. Попрощаемся сразу. Я по натуре мягкосердечен и к тому же так похож на свою мать, что достаточно малости – и глаза мои сразу же меня выдают. Я иду ко дворцу герцога Орсино. Прощайте.

(Уходит.)

АНТОНИО

Да сохранят тебя благие боги!
Я за тобой пошел бы ко двору,
Но там полно врагов... Нет, будь что будет!
Опасность – вздор. Я так тебя люблю,
Что в бой шутя с любимым врагом вступлю!

(Уходит.)

142

СЦЕНА 2.

Улица.

Входит ВИОЛА, *за ней* – МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО

Не вы ли только что вышли от графини Оливии?

ВИОЛА

Вы не ошиблись, сударь: я шел не спеша и успел дойти всего лишь до этого места.

МАЛЬВОЛИО

Графиня возвращает вам этот перстень. Вы избавили бы меня от лишнего беспокойства, если бы потрудились забрать его сразу. Кроме того, графиня просит вас втолковать вашему господину, что он ей не нужен окончательно и бесповоротно. И последнее: не вздумайте еще раз являться к ней от имени герцога, – разве что захотите рассказать, как он принял ее ответ. Вот и все.

ВИОЛА

Но перстень дан был ей: он мне не нужен.

МАЛЬВОЛИО

Нет уж, сударь, вы дерзко бросили его графине, и она желает, чтобы его вернули вам таким же образом. *(Бросает перстень.)* Если перстень стоит того, чтобы нагнуться, – вот

он лежит перед вами; если нет – пусть достается тому, кто его найдет. (*Уходит.*)

В И О Л А

Я перстня ей не приносила... Странно!
А вдруг Оливия пленилась мною?
Не дай господь! Она в мои глаза
Так неотрывно, пристально смотрела,
Что спотыкаться стал ее язык
И не вязались меж собою фразы...
Сомнений нет: она в меня влюбилась,
А этот перстень и гонец ворчливый –
Уловка страсти, чтоб меня вернуть.
Орсино, перстень – это все предлоги,
А суть во мне. Но если я права, –
Бедняжка, лучше б ей в мечту влюбиться!
Притворство! Ты придумано лукавым,
Чтоб женщины толпой шли в западню:
Ведь так легко на воске наших душ
Красивой лжи запечатлеть свой образ.

143

Да, мы слабы, но наша ль в том вина,
Что женщина такой сотворена?
Как дальше быть? Ее мой герцог любит;
Я, горестный урод, люблю его;
Она, не зная правды, мной пленилась...
Что делать мне? Ведь если я мужчина,
Не может герцог полюбить меня;
А если женщина, то как бесплодны
Обманутой Оливии надежды!..
Орешек этот мне не по зубам:
Лишь ты, о время, тут поможешь нам!

(*Уходит.*)

СЦЕНА 3.

Дом Оливии.

Входят СЭР ТОБИ и СЭР ЭНДРЮ.

СЭР ТОБИ

Входи, сэр Эндрю! Кто к полуночи не добрался до постели,
тот все равно что встал спозаранку. Знаешь,
diluculosurgere...⁵

СЭР ЭНДРЮ

Вот уж, право, не знаю. Знаю только, что, кто поздно ложится, тот ложится поздно.

СЭР ТОБИ

Неверное заключение. Оно мне противно, как пустой жбан. Кто лег спать после полуночи, лег в ранний час; ну и выходит – кто лег после полуночи, лег ни свет ни заря. Ведь говорят же, что наша жизнь состоит из четырех стихий.

СЭР ЭНДРЮ

Понимаешь, я и сам это слышал, но, по мне, так она состоит из еды и питья.

СЭР ТОБИ

Ну, ты прямо мудрец! Значит, давай есть и пить. – Эй, Мэриен, вина!

Входит Шут.

ШУТ

Как дела, красавчики? Видели вы вывеску «Нас здесь трое»?

144

СЭР ТОБИ

Здорово, осел! А ну-ка, споем застольную.

СЭР ЭНДРЮ

Ей-богу, у этого дурака замечательный голос. Будь у меня такая сладостная глотка и такие икры, как у этого дурака, я бы их и на сорок шиллингов не сменял. Знаешь, ты отлично валял дурака вчера ночью, когда болтал о Пигрогромитусе и о вапианцах, которые прошли по Квеубусскому меридиану. Провалиться мне на месте, очень здорово валял. Я послал тебе шестипенсовик для твоей девчонки. Ты получил?

ШУТ

Да, я приручил его к ней, потому что нос у Мальволио чует, но не бичует, у моей красотки ручки не короткие, а мирмидонцев не пускают туда, где выпивают.

СЭР ЭНДРЮ

Замечательно! Чепушистей этой чепухи и не придумаешь.
А теперь запевай.

СЭР ТОБИ

Мы ждем. Вот тебе шестипенсовик. Заводи песню.

СЭР ЭНДРЮ

И от меня столько же. Если один рыцарь дает...

ШУТ

Вам какую песню – любовную или поучительную?

СЭР ТОБИ

Любовную, любовную!

СЭР ЭНДРЮ

Конечно, любовную! Ненавижу поучения.

ШУТ (*поет*)

Где ты, милая, блуждаешь,
Что ты друга не встречаешь
И не вторишь песне в лад?
Брось напрасные скитанья,
Все пути ведут к свиданью, –
Это знает стар и млад.

СЭР ЭНДРЮ

Ей-богу, отлично!

145

СЭР ТОБИ

Неплохо, неплохо.

ШУТ (*поет*)

Нам любовь на миг дается.
Тот, кто весел, пусть смеется:
Счастье тает, словно снег.
Можно ль будущее взвесить?
Ну, целуй – и раз, и десять:
Мы ведь молоды не век.

СЭР ЭНДРЮ

Сладкозвучное горло, вот вам слово рыцаря!

СЭР ТОБИ

И какое притом пахучее!

СЭР ЭНДРЮ

Да-да, сладко-пахучее.

СЭР ТОБИ

Если слушать носом, так все кишки выворотит. Ну как, грянем застольную, чтобы небу жарко стало? Распугаем сов, такого шума наделаем, что и у глухого душа с телом расстанется! Давайте?

СЭР ЭНДРЮ

Конечно, давайте, я же на застольных песнях собаку съел.

ШУТ

Черт подери, сударь, а собака-то, видать, была музыкальная.

СЭР ЭНДРЮ

Еще бы! Давайте споем «Мошенника».

ШУТ

«Молчи, молчи, мошенник!», рыцарь? Выходит, мне придется называть тебя мошенником, рыцарь?

СЭР ЭНДРЮ

Ну, меня не впервой мошенником называют. Начинай, дурак. Она начинается: «Молчи, молчи!»

ШУТ

Но если я буду молчать, я никогда не начну.

146

СЭР ЭНДРЮ

Отлично, ей-богу, отлично! Начинай же.

Поют застольную песню.

Входит МАРИЯ.

МАРИЯ

Это что еще за кошачий концерт? Я не я, если госпожа не послала уже за дворецким Мальволио и не приказала ему выставить вас за дверь.

СЭР ТОБИ

Твоя госпожа просто эфиопка, Мальволио старая перечница, а мы трое весельчаков. И вообще *(поет)* «Мы трое славных весельчаков!» Что же, я не родственник ей? Не одной с нею крови? Тьфу ты, ну ты, госпожа! *(Поет.)* «Жил в Вавилоне человек, эх, госпожа, госпожа!»

Ш у т

Ох, умру! И знатно же этот рыцарь умеет валять дурака!

С Э Р Э Н Д Р Ю

Конечно, умеет, когда хочет, и я тоже. Только у него это получается красивее, а у меня натуральнее.

С Э Р Т О Б И *(поет)*

«Двенадцатого декабря...»

М А Р И Я

Уймись вы, ради бога!

Входит М А Л Ь В О Л И О .

М А Л Ь В О Л И О

С ума вы сошли, господа мои? Опомнитесь! Где ваш разум, где пристойность и совесть? В такой поздний час гогочете, точно пьяные сапожники, расселись тут, как в пивной, и горланите площадные песни! Неужели у вас нет уважения к госпоже и к ее дому, нет простого такта?..

С Э Р Т О Б И

Нет уж, сударь, что-что, а такт мы в песнях соблюдаем. И вообще заткнитесь.

147

М А Л Ь В О Л И О

Сэр Тоби, я вынужден говорить с вами без обиняков. Графиня велела передать, что она дает вам приют как своему родственнику, но не потерпит у себя никаких безобразий. Если вы способны расстаться с распутством, ее дом к вашим услугам; если предпочитаете расстаться с ней, она охотно с вами попрощается.

С Э Р Т О Б И *(поет)*

«Прощай, о милая, настал разлуки час...»

МАРИЯ

Дорогой сэра Тоби, не надо!

ШУТ (*поет*)

«Мутнеет взгляд полужакрытых глаз...»

МАЛЬВОЛИО

Ах так?

СЭР ТОБИ (*поет*)

«Но не умру я, нет!»

ШУТ (*поет*)

«Ты тут соврал, сосед!»

МАЛЬВОЛИО

Нечего сказать, благородное поведение!

СЭР ТОБИ (*поет*)

«Я прогоню его!»

ШУТ (*поет*)

«Вот будет торжество!»

СЭР ТОБИ (*поет*)

«Я прогоню его немедленно, друзья!»

148

ШУТ (*поет*)

«Вы струсите, вы струсите, уверен я».

СЭР ТОБИ

Сбился с такта, сударь: теперь врешь ты. – А ты что за птица? Дворецкий какой-то! Думаешь, если ты такой уж святой, так на свете больше не будет ни пирогов, ни хмельного пива?

ШУТ

Клянусь святой Анной, имбирное пиво тоже недурно обжигает глотку!

СЭР ТОБИ

И то верно. – А ты, сударь, отправляйся-ка восвояси,ними свою цепь и начисти ее как следует. – Мария, принеси вина.

МАЛЬВОЛИО

Если бы вы хоть немного дорожили расположением госпожи, уважаемая Мэри, вы не стали бы потакать такой безнравственности. Клянусь этой рукой, графине будет обо всем доложено. (*Уходит.*)

МАРИЯ

Проваливай-проваливай, лопаухий!

СЭР ЭНДРЮ

Вот была бы потеха - вызвать его на поединок, а самому не прийти и оставить его в дураках! Это вроде как выпить на пустой желудок!

СЭР ТОБИ

А ты попробуй вызови: я напишу за тебя вызов или, если хочешь, изложу твое негодование устно.

МАРИЯ

Миленький сэр Тоби, будьте сегодня вечером благоразумны: госпожа места себе не находит после нынешней беседы с этим герцогским юнцом. А уж с мосье Мальволио я сама разделаюсь. Если я не сумею одурачить его и сделать всеобщим посмешищем, значит, я уж такая круглая дура, что и в собственную постель не смогу улечься. Я его насквозь вижу, будьте спокойны.

СЭР ТОБИ

А ну, а ну, расскажи и нам, что ты о нем знаешь.

149

МАРИЯ

Понимаете, сударь, он иногда смахивает на пуританина.

СЭР ЭНДРЮ

Если бы я этому поверил, то избил бы его как собаку.

СЭР ТОБИ

Только за то, что он пуританин? Нечего сказать, основательный резон!

СЭР ЭНДРЮ

Ну, резону у меня, может, и нет, но других оснований предостаточно.

МАРИЯ

Да какой он, к черту, пуританин! Ни рыба ни мясо, подлиза, надутый осел! Зубрит с чужого голоса правила хорошего тона и сыплет их пригоршнями. Лопаются от самодовольства и так уверился в собственном совершенстве, что воображает, будто стоит женщине на него взглянуть, как она тут же и влюбится. Вот на этой его слабой струнке я сыграю и так отомщу, что он света неувидит.

СЭР ТОБИ

А что ты сделаешь?

МАРИЯ

Я подкину ему невразумительное любовное послание и так опишу его икры, бороду, походку, выражение глаз, лоб и цвет лица, что он обязательно узнает свой портрет. Я умею подражать почерку графини, вашей племянницы, до того точно, что, если нам попадается какая-нибудь забытая записка, мы с госпожой и сами не можем разобрать, кто из нас ее писал.

СЭР ТОБИ

Отлично! Я уже чую, в чем дело.

СЭР ЭНДРЮ

Кажется, и я унюхал.

СЭР ТОБИ

Он решит, что записку написала моя племянница и что она в него влюбилась.

МАРИЯ

Вот-вот, на эту лошадку я и собираюсь поставить.

150

СЭР ЭНДРЮ

И твоя лошадь превратит его в осла.

МАРИЯ

И в какого осла!

СЭР ЭНДРЮ

Замечательно!

МАРИЯ

Позабавимся на славу! Будьте спокойны, это лекарство его проймет! Я спрячу вас обоих и шута в придачу где-нибудь поблизости, так что вы воочию увидите действие моего зелья. А пока что – спать, и пусть вам приснится эта потеха. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

СЭР ТОБИ

Спокойной ночи, Пентезилея.

СЭР ЭНДРЮ

Славная девчонка, провалиться мне на месте!

СЭР ТОБИ

Да, гончая чистых кровей и к тому же обожает меня. Но дело не в этом.

СЭР ЭНДРЮ

Меня одна тоже обожала.

СЭР ТОБИ

Пошли спать, рыцарь. Придется тебе еще раз послать за деньгами.

СЭР ЭНДРЮ

Если я не подцеплю вашей племянницы, плохи мои дела.

СЭР ТОБИ

Посылай за деньгами, рыцарь. Если она в конце концов не станет твоей, можешь называть меня кургузым меринком.

СЭР ЭНДРЮ

Я не я, если не назову. А уж там как хотите.

СЭР ТОБИ

Ну идем, идем, я приготовлю жженку. Ложиться спать уже поздно. Идем, рыцарь, идем.

Уходят.

СЦЕНА 4.

Дворец герцога.

Входят ГЕРЦОГ, ВИОЛА, КУРИО и другие.

ГЕРЦОГ

Я музыки хочу. – Друзья, привет вам! –
Цезарио, пусть мне опять сыграют
Ту песенку старинную, простую,
Которую мы слышали вчера.
Она мне больше облегчила душу,
Чем звонкие, холодные напевы
Шальных и суетливых наших дней.
Один куплет сыграйте.

КУРИО

Простите, ваша светлость, здесь нет того, кто умеет петь эту песню.

ГЕРЦОГ

А кто он такой?

КУРИО

Шут Фесте, государь. Его выходки очень забавляли отца графини Оливии. Он сейчас где-то во дворце.

ГЕРЦОГ

Найти его. – А вы напев сыграйте.

КУРИО *уходит.*

Музыка.

Когда узнаешь сладкий яд любви,
Ты вспомяни меня, мой милый мальчик.
Влюбленные все на одно лицо:
Изменчивы, неровны, прихотливы,
И только образу своей любимой
Они всегда верны... Ну, как напев?

ВИОЛА

Он эхо пробуждает в том дворце,
Где властвует любовь.

ГЕРЦОГ

Как это метко!
Хотя ты очень молод, но клянусь,
Что чей-то взор, благоволенья полный,
Нарушил твой покой.

В И О Л А

Вы, государь,
Проникли в самые глубины сердца.

Г Е Р Ц О Г

А кто она?

В И О Л А

Во всем – подобье ваше.

Г Е Р Ц О Г

Ты плохо выбрал. Сколько же ей лет?

В И О Л А

Не более, чем вам.

Г Е Р Ц О Г

Ох, как стара!
Ведь женщине пристало быть моложе
Супруга своего: тогда она,
Обыкновеньям мужа покоряясь,
Сумеет завладеть его душой.
Хотя себя мы часто превозносим,
Но мы в любви капризней, легковесней,
Быстрее устаем и остываем,
Чем женщины.

В И О Л А

Вы правы, государь.

Г Е Р Ц О Г

Найди себе подругу помоложе,
Иначе быстро охладеешь к ней.
Все женщины, как розы: день настанет –
Цветок распустится и вмиг увянет.

В И О Л А

Как жаль мне их, о, как мне жаль цветы,
Чей жребий – вянуть в цвете красоты!

КУРИО входит с шутком.

Г Е Р Ц О Г

А, ты пришел! Порадуй нас, дружище,

Вчерашней песней старой, заунывной.
Ее мурлычут пряжи за работой,
Вязальщицы на солнышке поют,

153

Перебирая костяные клюшки.
Она полна сердечности и правды,
Как старина.

Ш у т

Можно начинать, государь?

Г е р ц о г

Да-да, мы слушаем.

Ш у т (*поет*)

Поспеши ко мне, смерть, поспеши
И в дубовом гробу успокой,
Свет в глазах потуши, потуши, –
Я обманут красавицей злой.
Положите на гроб не цветы,
А камни.
Только ты, о смерть, только ты
Мила мне.
Схороните меня в стороне
От больших проезжих дорог,
Чтобы друг не пришел ко мне
И оплакать меня не мог,
Чтобы, к бедной могиле моей
Склоненный,
Не вздыхал, не рыдал над ней
Влюбленный.

Г е р ц о г

Возьми себе за труд.

Ш у т

Какой же это труд, государь? Для меня петь – удовольствие!

Г е р ц о г

Тогда за удовольствие возьми.

Ш у т

Справедливо, государь: за удовольствие тоже рано или поздно надобно расплачиваться.

ГЕРЦОГ

Прости, но нам придется распроститься.

154

ШУТ

Да хранит тебя бог меланхолии и да сошьет тебе портной камзол из переливчатой тафты, потому что душа твоя ни дать ни взять – опал. Людей с таким постоянным нравом следовало бы отправлять в море: там они могли бы заниматься чем вздумается и плыть куда заблагорассудится, вот и совершили бы отменное путешествие, ловя собственный хвост. Счастливого пути. (*Уходит.*)

ГЕРЦОГ

Оставьте нас.

КУРИО и придворные уходят.

Цезарио, пойд
Еще раз к ней, к жестокости надменной,
И повтори ей, что моей душе,
Объятой благороднейшей любовью,
Не нужен жалкий прах земных владений.
Я презираю и дары Фортуны,
Которыми Оливия богата,
И самое Фортуны; но безмерно
Я очарован чудом красоты,
Которая по милости природы
В моей владычице воплощена.

ВИОЛА

Но если вас она любить не может?

ГЕРЦОГ

Я не могу принять такой ответ.

ВИОЛА

Но вы должны! Представьте, ваша светлость,
Что женщина – быть может, есть такая! –
Терзается любовью к вам, а вы
Ей говорите: «Не люблю!» Так что же,
Возможно ль ей отказом пренебречь?

ГЕРЦОГ

Грудь женщины не вынесет биенья,

Такой могучей страсти, как моя.
 Нет, в женском сердце слишком мало места:
 Оно любовь не может удержать.
 Увы! Их чувство – просто голод плоти.
 Им только стоит утолить его –

И сразу наступает пресыщенье.
 Моя же страсть жадна, подобно морю,
 И так же ненасытна. Нет, мой мальчик,
 Не может женщина меня любить,
 Как я люблю Оливию.

В И О Л А

И все же
 Я знаю.

Г Е Р Ц О Г

Что, Цезарио, ты знаешь?

В И О Л А

Как сильно любят женщины. Они
 В любви верны не меньше,
 чем мужчины.
 Дочь моего отца любила так,
 Как, будь я женщиною, я, быть может,
 Любил бы вас.

Г Е Р Ц О Г

Ну что же, расскажи,
 Что было с ней.

В И О Л А

Ее судьба, мой герцог,
 Подобна неисписанной странице.
 Она молчала о своей любви,
 Но тайна эта, словно червь в бутоне,
 Румянец на ее щеках точила.
 Безмолвно тая от печали черной,
 Как статуя Терпения застыв,
 Она своим страданьям улыбалась.
 Так это ль не любовь? Ведь мы, мужчины,
 Хотя и расточаем обещанья,
 Но мы, твердя о страсти вновь и вновь,
 На клятвы щедры, скупы на любовь.

ГЕРЦОГ

И от любви твоя сестра исчахла?

ВИОЛА

Я нынче, государь, – все сыновья
И дочери отца. Хотя, быть может...
К графине мне идти?

156

ГЕРЦОГ

Да, и скорее
Вручи мой дар, и пусть она поймет:
Любовь не отступает и не ждет.

Уходят.

СЦЕНА 5.

Сад Оливии.

Входят СЭР ТОБИ, СЭР ЭНДРЮ и ФАБИАН.

СЭР ТОБИ

Пойдешь с нами, синьор Фабиан?

ФАБИАН

Еще бы! Пусть меня заживо сожрет меланхолия, если я упущу хоть крупицу этого развлечения.

СЭР ТОБИ

А ты хотел бы, чтобы этого мерзавца, этого ничтожного кусачего пса опозорили на глазах у всех?

ФАБИАН

Запрыгал бы от радости: вы же знаете, он рассказал, что я занимался здесь медвежьей травлей, и с тех пор госпожа меня не жалует.

СЭР ТОБИ

Сейчас мы ему такую медвежью травлю устроим, что он позеленеет от злости. Мы чучело гороховое из него сделаем. Правда, сэр Эндрю?

СЭР ЭНДРЮ

Допнуть нам на месте, если не сделаем.

СЭР ТОБИ

А вот и маленькая негодница явилась.

Входит МАРИЯ.

Ну, что нового, золото мое индийское?

МАРИЯ

Скорее спрячьтесь за буксом, сюда идет Мальволио. Он сейчас на солнцепеке добрых полчаса обучал собственную тень хорошим манерам. Если вам охота позабавиться, следите за ним,

157

ручаюсь, это письмо так вскружит ему голову, что он совсем одуреет. Прячьтесь же, не то конец нашей шутке. А ты лежи тут (*бросает на землю письмо*): сюда плывет рыбка, которая только на лесть и клюет. (*Уходит.*)

Входит МАЛЬВОЛИО.

МАЛЬВОЛИО

Это зависит от удачи. Все зависит от удачи. Мария как-то сказала мне, будто я нравлюсь графине, да и сама графиня однажды намекнула, что влюбись она, так обязательно в человека вроде меня. И обходится она со мной куда уважительней, чем с другими домочадцами. Какой из этого вывод?

СЭР ТОБИ

Вот самоуверенная скотина!

ФАБИАН

Тише! Он размечтался и стал вылитый индюк! Глядите, как распускает хвост и пыжится!

СЭР ЭНДРЮ

Прямо руки чешутся намять бока скоту!

СЭР ТОБИ

Тише вы!

МАЛЬВОЛИО

Стать графом Мальволио!

СЭР ТОБИ

Ох, пес!

СЭР ЭНДРЮ

Пристрелить собаку на месте!

СЭР ТОБИ

Тише, тише!

МАЛЬВОЛИО

Идти за примером недалеко: всем известно, что графиня Стрейчи вышла замуж за собственного камер-лакея.

СЭР ЭНДРЮ

Вот Иезавель бесстыжий!

ФАБИАН

Да тише вы! Теперь он совсем размечтался: ишь как его распирает.

158

МАЛЬВОЛИО

Я уже три месяца женат на ней и вот сижу в своем кресле под балдахином...

СЭР ТОБИ

Арбалет мне! Глаз ему выбить!

МАЛЬВОЛИО

...в бархатном расшитом халате; и призываю слуг; и я только что поднялся с ложа, где еще спит Оливия...

СЭР ТОБИ

Разрази его гром!

ФАБИАН

Тише! Тише!

МАЛЬВОЛИО

...и тут на меня находит каприз; я медленно обвожу всех взглядом, словно говорю, что хорошо бы им знать свое место, как я знаю свое, и сразу велю позвать моего родственника Тоби.

СЭР ТОБИ

Чтоб его на части разорвало!

ФАБИАН

Тише! Тише! Тише! Ну, ну?

МАЛЬВОЛИО

Семеро слуг угодливо бегут за ним, а я продолжаю сидеть нахмурившись и, может быть, завожу часы или играю своей... какой-нибудь драгоценной безделушкой. Входит Тоби, отвечает низкий поклон...

СЭР ТОБИ

Я ему голову сверну!

ФАБИАН

Тише! Молчите, даже если из вас будут тянуть слова клещами.

МАЛЬВОЛИО

Я протягиваю ему руку вот так, смягчая свой строгий и властный взгляд милостивой улыбкой...

СЭР ТОБИ

И Тоби не дает тебе затрецины?

159

МАЛЬВОЛИО

...и говорю: «Кузен мой Тоби, поелику благосклонная судьба соединила меня с вашей племянницей, я вправе обратиться к вам с увещанием».

СЭР ТОБИ

Что, что?

МАЛЬВОЛИО

«Вам не приличествует пьянствовать...»

СЭР ТОБИ

Умри, мерзавец!

ФАБИАН

Ну потерпите еще, иначе мы сами же выьем зубы нашей затее.

МАЛЬВОЛИО

«К тому же вы расточаете ваше бесценное время с этим олухом... с рыцарем...»

СЭР ЭНДРЮ

Ей-богу, он это обо мне!

МАЛЬВОЛИО

«...с этим сэром Эндрю».

СЭР ЭНДРЮ

Так я и знал, что обо мне! Сколько раз меня уже называли олухом!

МАЛЬВОЛИО

А что это тут лежит перед нами? *(Поднимает письмо.)*

ФАБИАН

Сейчас птичка попадетя в силоч!

СЭР ТОБИ

Тише! Хоть бы бог насмешки надоумил его прочесть письмо вслух!

МАЛЬВОЛИО

Почерк графини, клянусь жизнью! Ее «б», ее «в», ее «п»; и заглавное «М» она всегда так пишет. Несомненно ее почерк, тут и думать нечего!

СЭР ЭНДРЮ

Ее «б», ее «в», ее «п»... Что это значит?

160

МАЛЬВОЛИО

«Моему безыменному возлюбленному вместе с наилучшими пожеланиями». И слог ее! Не обессудь, воск! Аккуратней! И печать с головой Лукреции: она всегда пользуется этой печаткой. Интересно, кому это она пишет?

ФАБИАН

Увяз с головой и потрохами!

МАЛЬВОЛИО

(читает)

«Я пленена,

Но кем, –
Молчать должна:
Язык, будь нем!»

«Язык, будь нем». А дальше что? Размер меняется. «Язык, будь нем». Вдруг это о тебе, Мальволио?

СЭР ТОБИ

Вздернуть бы тебя, барсук вонючий!

МАЛЬВОЛИО

(читает)

«Хотя могу повелевать
Любимым я, но на уста
Легла молчания печать:
М. О. А. И. – моя мечта».

ФАБИАН

Вот так головоломка!

СЭР ТОБИ

Ну не молодчина ли девка!

МАЛЬВОЛИО

«М. О. А. И. – моя мечта»! Да, это нужно хорошенько обмозговать, обмозговать, обмозговать...

ФАБИАН

И тухлую же приманку она ему подкинула!

СЭР ТОБИ

А наш сокол налетел на нее, как стервятник!

161

МАЛЬВОЛИО

«Хотя могу повелевать любимым я»... Конечно, она может мной повелевать: я ей служу, она моя госпожа. Это всякому разумному человеку понятно, тут все ясно как день. Но вот конец, – что может значить такое расположение букв? Если бы они складывались в мое имя... Ага! М. О. А. И...

СЭР ТОБИ

А ну-ка, а ну, пусть поломает себе голову: он сбился со следа.

ФАБИАН

Не беспокойтесь; эту дрянь даже такой паршивый пес учует: от нее воняет, как от лисицы.

МАЛЬВОЛИО

«М» – Мальволио. Да, с «М» начинается мое имя.

ФАБИАН

Что я вам говорил? Дворняга всегда бежит по ложному следу!

МАЛЬВОЛИО

«М», - но в середине все перепутано и ничего не получается: вместо «А» стоит «О».

ФАБИАН

Надеюсь, он и в конце закричит: «О»!

СЭР ТОБИ

Будь спокоен, а не то я его так отлущую, что он поневоле взревет: «О»!

МАЛЬВОЛИО

«А И» стоят рядом.

ФАБИАН

«Айкать» тебе тоже придется немало: не знаю, как насчет почестей, а уж насмешки тебе обеспечены.

МАЛЬВОЛИО

«М. О. А. И.» – это будет похитрее, чем начало. Но если нажать, все станет по местам, потому что в моем имени есть каждая из этих букв. Так, так! Дальше идет проза. *(Читает.)* «Если это попадет тебе в руки, – вникни. Волею судеб я стою выше тебя. Но да не устрасит тебя величие: одни рождаются великими, другие достигают величия, к третьим оно нисходит. Фортуна простирает к тебе руки. Овладей ими во всеоружии ума

162

и смелости и, дабы приучить себя к тому, что может стать твоим, сбрось убогую оболочку и явись как заново рожденный. Будь хмур с родственником, надменен с челядью, громогласно рассуждай о делах государственных,

порази всех странностью повадок: это советует тебе та, что вздыхает по тебе. Вспомни, кого восхищали твои желтые чулки, рождая желание видеть их всегда подвязанными крест-накрест. Вспомни, говорю тебе! Смелей, ты займешь высокое положение, если пожелаешь, а если нет, то пусть ты останешься для меня дворецким, жалким слугой, недостойным коснуться перстов Фортуны. Прощай. Та, что поменялась бы с тобой жребием.

Счастливая Несчастливица».

Теперь я как среди ровного поля в белый день: все кругом видно, не заблудишься. Я буду надменным, я начну читать политические трактаты, не дам спуску сэру Тоби, порву низменные знакомства, я буду таким, как требуется. Уж на этот раз я себя не обольщаю, не заношусь в мечтах: кто ж усомнится сейчас в том, что графиня меня любит? Она недавно хвалила мои желтые чулки, одобряла подвязки крест-накрест. В этом письме она признается мне в любви и тонкими намеками учит одеваться по ее вкусу. Хвала небу, я счастлив! Я буду загадочен, груб, в желтых чулках, спозаранку подвязан крест-накрест. Слава богам и моей счастливой звезде! Но здесь есть еще приписка. *(Читает.)* «Ты не можешь не угадать, кто я такая. Если ты не отвергаешь моей любви, дай мне об этом знать улыбкой: улыбка тебе очень к лицу, поэтому, прошу тебя, драгоценный мой возлюбленный, в моем присутствии всегда улыбайся». Примите мою благодарность, боги! Я буду улыбаться, я сделаю все, что ты пожелаешь! *(Уходит.)*

ФАБИАН

Такое представление я не променял бы на пенсию в тысячу золотых от самого персидского шаха!

СЭР ТОБИ

Я прямо готов жениться на этой девчонке за ее выдумку!

СЭР ЭНДРЮ

И я готов!

СЭР ТОБИ

И мне не нужно другого приданого, кроме второй такой шутки!

СЭР ЭНДРЮ

И мне не нужно!

ФАБИАН

А вот и наша достопочтенная охотница за дураками!

Входит МАРИЯ.

СЭР ТОБИ

Хочешь, я стану перед тобой на колени?

СЭР ЭНДРЮ

И я тоже.

СЭР ТОБИ

Может, мне проиграть в кости свободу и сделаться твоим рабом?

СЭР ЭНДРЮ

Слушай, а может, и мне сделаться?

СЭР ТОБИ

Ты навевала на него такие сладкие грезы, что он просто рехнется, проснувшись.

МАРИЯ

Нет, скажите правду, подействовало на него?

СЭР ТОБИ

Как водка на повивальную бабку.

МАРИЯ

В таком случае, если хотите посмотреть, что выйдет из нашей затеи, будьте при его первой встрече с госпожой: он наденет желтые чулки, – а она терпеть не может этот цвет, – и перевяжет их крест-накрест, – а она ненавидит эту моду, – и будет ей улыбаться, – а это так не подходит к ее теперешнему расположению духа, к меланхолии, в которую она погружена, что она непременно на него разозлится. Если хотите видеть это, идите за мной.

СЭР ТОБИ

За таким остроумнейшим дьяволенком хоть в самый Тартар!

СЭР ЭНДРЮ

Ну и я не против Тартара!

Уходят.

164

АКТ III.

СЦЕНА 1.

Сад Оливии.

Входят В И О Л А и Ш У Т с бубном.

В И О Л А

Бог в помощь тебе и твоей музыке, приятель. Ты что ж, так и состоишь при бубне?

Ш У Т

Нет, сударь, я состою при церкви.

В И О Л А

Как, разве ты священник?

Ш У Т

Не совсем, сударь: понимаете ли, мой дом стоит у самой церкви, вот и выходит, что я состою при церкви.

В И О Л А

Да этак ты, чего доброго, скажешь, что король сумасброд, потому что за ним бредет нищий с сумой, а церковь стала забубенной, если ты с бубном стал перед церковью.

Ш У Т

Все может стать, сударь. Ну и времена настали! Хорошая шутка нынче все равно что перчатка: любой остряк в два счета вывернет ее наизнанку.

165

В И О Л А

Пожалуй, ты прав: стоит немного поиграть словом, как его уже треплет вся улица.

Ш У Т

Потому-то, сударь, я и хотел бы, чтобы у моей сестры не было имени.

В И О Л А

А почему все-таки?

Ш у т

Да ведь имя – это слово: кто-нибудь поиграет ее именем, и она, того и гляди, станет уличной. Что говорить, слова сделались настоящими продажными шкурами с тех пор, как их опозорили оковами.

В И О Л А

И ты можешь это доказать?

Ш у т

Видите ли, сударь, без слов этого доказать нельзя, а слова до того изолгались, что мне противно доказывать ими правду.

В И О Л А

Как я погляжу, ты веселый малый и не дорожишь ничем на свете.

Ш у т

Нет, сударь, кое-чем все-таки дорожу. Но вот вами, сударь, говоря по совести, я действительно не дорожу. Если это значит не дорожить ничем, значит, вы, сударь, ничто.

В И О Л А

Ты случайно не дурак графини Оливии?

Ш у т

Что вы, сударь? Оливия не в ладах с дуростью; она не заведет у себя дурака, пока не выйдет замуж, а муж и дурак похожи друг на друга, как селедка на сардинку, только муж будет покрупнее. Нет, я у нее не дурак, а главный словоблуд.

В И О Л А

Я недавно видел тебя у герцога Орсино.

Ш у т

Дурость, сударь, вроде как солнце, всюду разгуливает и везде поспекает светить. Мне было бы очень жаль, сударь, если бы вашего

166

господина она наведал реже, чем мою госпожу. Кстати, господин премудрый, я, кажется, уже встречал вас здесь?

В И О Л А

Ну, если ты взялся за меня, лучше мне уйти от тебя. На вот, получай.

(Дает ему денег.)

Ш у т

Да ниспошлет тебе Юпитер бороду из следующей же партии волос.

В И О Л А

Сказать по совести, я сам тоскую по бороде *(в сторону)*, только не на своем подбородке. – Твоя госпожа дома?

Ш у т

Вы не думаете, что если эту штуку спарить с другой, то они расплодятся?

В И О Л А

Еще бы, если их положить вместе и пустить в дело.

Ш у т

Я с охотой сыграл бы Пандара Фригийского, чтобы заполучить Крессиду для этого Троила.

В И О Л А

Я тебя понял: ты ловко умеешь попрошайничать.

Ш у т

Надеюсь, сударь, мне будет просто выпросить у вас попрошайку: Крессида-то была попрошайкой. Сударь, моя госпожа дома. Я доложу им, откуда вы явились, но кто вы такой и что вам нужно, ведомо одному небу; я сказал бы - одним стихиям, да слово больно затерто. *(Уходит.)*

В И О Л А

Он хорошо играет дурака.
Такую роль глупец не одолеет:
Ведь тех, над кем смеешься, надо знать,
И разбираться в нравах и привычках,
И на лету хватать, как дикий сокол,
Свою добычу. Нужно много сметки,
Чтобы искусством этим овладеть.

167

Такой дурак и с мудрецом поспорит,
А глупый умник лишь себя позорит.

Входят СЭР ТОБИ и СЭР ЭНДРЮ.

СЭР ТОБИ

Храни вас бог, господин хороший.

ВИОЛА

И вас также, сударь.

СЭР ЭНДРЮ

Dieu vous garde, monsieur⁶.

ВИОЛА

Et vous aussi; votre serviteur⁷.

СЭР ЭНДРЮ

Не сомневаюсь, сударь; а я ваш.

СЭР ТОБИ

Не заблагорассудится ли вам соизволить в этот дом? Моя племянница вознамерена принять вас, если таково ваше направление.

ВИОЛА

Я держу курс на вашу племянницу, сударь: я хочу сказать, что именно ею должно завершиться мое путешествие.

СЭР ТОБИ

Тогда испробуйте ваши ноги, сударь; приведите их в действие.

ВИОЛА

Мои ноги лучше понимают меня, сударь, чем я понимаю ваше предложение испробовать мои ноги.

СЭР ТОБИ

Я хочу сказать – переступите порог, сударь, входите.

ВИОЛА

Я отвечу на это переступлением и входом. Но нас опередили.

Входят Оливия и Мария.

О дивно-совершеннейшая госпожа моя, да изольет на тебя небо потоки благовоний.

168

СЭР ЭНДРЮ

А мальчишка мастер льстить! «Потоки благовоний» – здорово сказано!

ВИОЛА

Госпожа, дело мое такого рода, что голос его должен достичь только вашего изощреннейшего и многомилостивого слуха.

СЭР ЭНДРЮ

«Благовония», «изощреннейший», «многомилости» эта тройка будет у меня теперь всегда наготове.

ОЛИВИЯ

Закройте садовые ворота, и пусть никто не мешает мне выслушать его.

СЭР ЭНДРЮ, СЭР ТОБИ и МАРИЯ уходят.

Вашу руку, сударь.

ВИОЛА

Я вам готов покорнейше служить.

ОЛИВИЯ

Как ваше имя?

ВИОЛА

Цезарио был назван ваш слуга.

ОЛИВИЯ

Вы мой слуга? Стал мир невыносим

С тех пор, как лезть учтивостью назвали.
Вы служите Орсино, а не мне.

В И О Л А

Он служит вам, а я служу ему,
И, стало быть, я ваш слуга покорный.

О Л И В И Я

Ах, что мне в нем! Я из его души
Себя бы стерла, пустоту оставив.

В И О Л А

А я хотел бы образом его
Заполнить вашу душу.

169

О Л И В И Я

Я просила
Мне никогда о нем не говорить.
Вот если б вы хотели рассказать,
Что кое-кто другой по мне томится,
Вы больше усладили бы мой слух,
Чем музыкою сфер.

В И О Л А

О госпожа!

О Л И В И Я

Молю, не прерывайте. В прошлый раз
Я, словно околдованная вами,
Чтоб вас вернуть, послала вам свой перстень,
Обманом этим оскорбив себя,
Слугу и даже вас. Теперь я жду
Суда над хитростью моей постыдной
И явной вам. Что думаете вы?
Должно быть, честь мою к столбу поставив,
Ее казните вы бичами мыслей,
Рожденных черствым сердцем? Вы умны,
Вам ясно все. Прозрачный шелк, не плоть
Мне облекает сердце. Говорите ж.

В И О Л А

Мне жаль вас.

О Л И В И Я

Жалость близит нас к любви.

В И О Л А

Нет, ни на шаг. Ведь всем давно известно,
Что часто мы жалеем и врагов.

О л и в и я

Лишь улыбнуться я могу в ответ.
О люди, как вы преданы гордыне!
Когда терзает ваше сердце хищник,
Вы счастливы, что он не волк, а лев.

Слышен бой часов.

Часы корят меня за трату слов.
Ты мне не нужен, мальчик, успокойся.
И все ж, когда ты возмужаешь духом,

170

Твоя жена сорвет прекрасный плод!
Направлен вдаль твой путь.

В И О Л А

Что ж, значит, вдаль!
Пусть счастье вечно пребывает с вами.
Для герцога ни слова нет у вас?

О л и в и я

Постой!
Что обо мне ты думаешь, признайся?

В И О Л А

Что вы не то, чем кажетесь себе.

О л и в и я

Тогда и ты иной, чем я считаю.

В И О Л А

Вы правы: я совсем не то, что есть.

О л и в и я

Так будь похожим на мою мечту!

В И О Л А

Что ж, может быть, так было бы и лучше:
Ведь в этот миг я вам кажусь глупцом.

ОЛИВИЯ

О, как прекрасна на его устах
Презрительная, гордая усмешка!
Скорей убийство можно спрятать в тень,
Чем скрыть любовь: она ясна как день.
Цезарио, клянусь цветеньем роз,
Весной, девичьей честью, правдой слез, –
В душе такая страсть к тебе горит,
Что скрыть ее не в силах ум и стыд.
Прошу, не думай, гордостью томим:
«Зачем любить мне, если я любим?»
Любовь всегда прекрасна и желанна,
Особенно – когда она неожиданна.

ВИОЛА

В моей груди душа всего одна,
И женщине она не отдана,

171

Как и любовь, что неразрывна с ней:
Клянусь вам в этом чистотой моей.
Прощайте же. Я не явлюсь к вам боле
С мольбою герцога и стоном боли.

ОЛИВИЯ

Нет, приходи: ты властен, может быть,
Мою любовь к немилому склонить.

Уходят.

СЦЕНА 2.

Дом Оливии.

Входят СЭР ТОБИ, СЭР ЭНДРЮ и ФАБИАН.

СЭР ЭНДРЮ

Нет, ей-богу, не останусь здесь больше ни минуты.

СЭР ТОБИ

Но почему, изверг души моей, почему?

ФАБИАН

И вправду, сэр Эндрю, объясните нам, почему?

СЭР ЭНДРЮ

Да потому, черт возьми, что ваша племянница любезничала в саду с этим герцогским прихвостнем, как она никогда не любезничала со мной. Я сам это видел.

СЭР ТОБИ

Ты мне вот что скажи, старина: видела она тебя в это время?

СЭР ЭНДРЮ

Не хуже, чем я вижу вас.

ФАБИАН

Да ведь это лучшее доказательство ее любви к вам.

СЭР ЭНДРЮ

Что ж, по-вашему, я совсем осел?

ФАБИАН

Сэр, я берусь доказать это по всем правилам перед судом рассудка и здравого смысла.

172

СЭР ТОБИ

А они судили и рядили еще до того, как Ной стал моряком.

ФАБИАН

Она любезничала на ваших глазах с мальчишкой только для того, чтобы подстегнуть вас, растолкать вашу лежебоку-доблесть, зажечь огонь в сердце, расшевелить желчь в печени. Вы должны были сразу подойти к ней и заткнуть юнцу рот остротами, новенькими и блестящими, прямо с монетного двора. Она играла вам на руку, а вы это проморгали; вы позволили времени стереть двойной слой позолоты с удобного случая, удалились от солнца благоволения графини и теперь плывете на север ее немилости, где повиснете, как сосулька на бороде у голландца. Впрочем, вы можете исправить эту ошибку, если представите похвальное доказательство своей отваги или политичности.

СЭР ЭНДРЮ

Значит, придется доказывать отвагу. Политичность я терпеть не могу: по мне, уж лучше быть браунистом, чем политиком.

СЭР ТОБИ

Ладно, тогда строй свое счастье на отваге. Вызови герцогского юнца на поединок и нанеси ему одиннадцать ран. Моя племянница обязательно пронюхает об этом, а, можешь мне поверить, даже самая пронырливая сводня, и та не расположит женщину к мужчине так, как слава о его подвигах.

ФАБИАН

Другого выхода нет, сэр Эндрю.

СЭР ЭНДРЮ

А кто-нибудь из вас отнесет ему мой вызов?

СЭР ТОБИ

Иди, напиши его размашистым почерком, воинственно и кратко. Плюнь на остроумие: главное, чтобы вызов был красноречивый и выразительный. Заляпай противника чернилами. Можешь тыкнуть его разок-другой, тоже будет не худо. Навороти столько несуразиц, сколько уместится на листе бумаги шириной в уэрскую кровать в Англии. Берись за дело, валяй. Пусть в твоих чернилах будет побольше змеиного яду, а чем писать, это не суть важно: хоть гусиным пером. Ну, ступай.

СЭР ЭНДРЮ

А где я потом найду вас?

173

СЭР ТОБИ

Мы сами придем к тебе в *cubiculo*⁸. Иди же.

СЭР ЭНДРЮ *уходит*.

ФАБИАН

Видно, сэр Тоби, этот человечек вам очень дорог?

СЭР ТОБИ

Да, дорог. Но я ему еще дороже: обошелся тысячи в две, как пить дать.

ФАБИАН

Надо думать, письмо он напишет необыкновенное. Но ведь вы его не передадите?

СЭР ТОБИ

Разрази меня гром, если не передам. А ты во что бы то ни стало постарайся вытянуть ответ у юнца: сдается мне, эту парочку даже быками и канатами друг к другу не подтащить. Если ты взрежешь Эндрю и в его печени хватит крови, чтобы утопить блошиную ногу, то я готов проглотить всю остальную анатомию.

ФАБИАН

Да и на лице его соперника, этого мальчишки, тоже не заметно особой свирепости.

Входит МАРИЯ.

СЭР ТОБИ

А вот и моя птичка-невеличка.

МАРИЯ

Если хотите повеселиться и поохотать до упаду, идите за мной. Этот болван Мальволио стал язычником, ну настоящий вероотступник: ведь ни один истинный христианин в жизни не поверит такой дурацкой выдумке. Он в желтых чулках.

СЭР ТОБИ

И в подвязках крест-накрест?

МАРИЯ

Да, как самый мерзкий педант-учитель из приходской школы. Я шла за ним по пятам, словно его убийца. Он точка в точку следует письму, которое я ему нарочно подкинула, и так улыбается,

174

что теперь на его физиономии больше борозд, чем на новой карте с добавлением Индий. Вам и во сне ничего подобного не снилось. Так бы чем-нибудь и запустила в него. Вот увидите, госпожа побьет его. Впрочем, пусть побьет, он все равно будет улыбаться и примет это как знак особого расположения.

СЭР ТОБИ

А ну, веди, веди нас к нему.

Уходят.

СЦЕНА 3.

Улица.

Входят СЕБАСТЬЯН и АНТОНИО.

СЕБАСТЬЯН

Я вас хотел избавить от хлопот,
Но если вы находите в них радость,
Я умолкаю.

АНТОНИО

Я не мог оставить
Вас одного. Как острие стальное,
Впилась мне в грудь бессонная тревога:
Не только жажда вместе с вами быть –
Хотя она во мне неуголима, –
Но страх за вашу жизнь. В чужом краю
Неопытному страннику порою
Опасность угрожает. Этот страх
Мою любовь прищпорил и за вами
Погнал сюда.

СЕБАСТЬЯН

Антонио, мой друг,
Я вам могу ответить лишь: «Спасибо,
Спасибо много раз». Такой монетой
Частенько платим мы за доброту,
Но будь я столь богат, сколь благодарен,
Я отплатил бы вам куда щедрее...
Пойдем на город взглянем.

АНТОНИО

Лучше завтра:
Сейчас нам нужно подыскать приют.

175

СЕБАСТЬЯН

Я не устал, а ночь еще далеко.
Сперва глаза насытим чудесами,
Живущими в твореньях старины,
Которыми прославлен этот город.

АНТОНИО

Простите, но открыто здесь бродить –
Опасно для меня. Случилось как-то

Мне крепко насолить в морском бою
Галерам герцога. Меня узнают
И, уж поверьте, спуска не дадут.

СЕБАСТЬЯН

Как видно, многих вы в тот день сразили.

АНТОНИО

Нет, к счастью, кровь тогда не пролилась,
Хотя в пылу ожесточенной схватки
Дойти легко и до кровопролитья.
Конечно, возместить убытки можно,
И многие сограждане мои
Так поступили, чтоб торговых связей
Не порывать. Но я не согласился
И дорого за это заплачу,
Попавшись здесь.

СЕБАСТЬЯН

Так будьте осторожны.

АНТОНИО

Придется. Вот вам, сударь, кошелек.
Мы остановимся в предместье южном,
В «Слоне» – гостиниц лучше не сыскать.
Я позабочусь обо всем, а вы
Меж тем спокойно проводите время
И насыщайте ум. До скорой встречи.

СЕБАСТЬЯН

Но кошелек к чему?

АНТОНИО

Захочется безделицу купить,
А ваш карман, я думаю, пустует.

176

СЕБАСТЬЯН

Мой друг, я буду вашим казначеем
Всего лишь час.

АНТОНИО

Итак, в «Слоне».

СЕБАСТЬЯН

Отлично!

Уходят.

СЦЕНА 4.

Сад Оливии.

Входят Оливия и Мария.

Оливия

Нет, он придет; ведь я за ним послала.
Как мне принять его? Чем одарить?
Ведь юность легче подкупить подарком,
Чем просьбами смягчить. Как я кричу!
А где Мальволио? Он горд и сдержан, –
Вполне подходит мне такой слуга.
Так где ж Мальволио?

Мария

Сейчас явится, сударыня. Но он в очень странном
расположении духа: сдается мне, он не в своем уме,
сударыня.

Оливия

Как – не в своем уме? Он, что же, бредит?

Мария

Нет, сударыня, только улыбается. Когда он придет, лучше
бы вашей милости не оставаться с ним наедине, потому что,
ей-богу, он спятил.

Оливия

Поди за ним.

Мария уходит.

Ах, я безумна тоже,
Коль скорбный бред и бред веселый схожи.

Возвращается Мария с Мальволио.

Ты что, Мальволио?

177

Мальволио

Ха-ха-ха, прекрасная дама!

О л и в и я

Тебе смешно? Я за тобой послала,
Чтоб обсудить серьезные дела.

М а л ь в о л и о

Серьезные, сударыня? Я и сам сейчас расположен к серьезности: у меня застой в крови от этих подвязок крест-накрест. Но что из того? Если они нравятся чьим-то глазам, то, как говорится в одном правдивом сонете: «Кто мил одной, тот всем по вкусу».

О л и в и я

Что с тобой, Мальволио? Как ты себя чувствуешь?

М а л ь в о л и о

Мысли у меня розовые, хотя ноги и желтые. Все получено, и все пожелания будут исполнены. Нам ли не узнать этот изящный римский почерк?

О л и в и я

Не лечь ли тебе в постель, друг мой?

М а л ь в о л и о

В постель? Ну, конечно, милая, я приду к тебе!

О л и в и я

Господи помилуй! Почему ты так улыбаешься и все время целуешь себе руку?

М а р и я

Что это с вами, Мальволио?

М а л ь в о л и о

Вы изволите обращаться ко мне с вопросами? Впрочем, даже соловьи вынуждены слушать галок.

М а р и я

Как вы смеее в присутствии госпожи так глупо и развязно себя вести?

М а л ь в о л и о

«Да не утрашит тебя величие» – так сказано в письме.

О л и в и я

МАЛЬВОЛИО

«Иные рождаются великими...»

ОЛИВИЯ

Что, что?

МАЛЬВОЛИО

«...другие достигают величия...»

ОЛИВИЯ

Что ты такое болтаешь?

МАЛЬВОЛИО

«...к третьим оно нисходит...»

ОЛИВИЯ

Да смилуются над тобой небеса!

МАЛЬВОЛИО

«Вспомни, кого восхищали твои желтые чулки...»

ОЛИВИЯ

Мои желтые чулки?

МАЛЬВОЛИО

«...рождая желание видеть их подвязанными крест-накрест...»

ОЛИВИЯ

Крест-накрест?

МАЛЬВОЛИО

«Смелей, ты займешь высокое положение, если пожелаешь...»

ОЛИВИЯ

Я займу высокое положение?

МАЛЬВОЛИО

«А если нет, пусть ты останешься слугой...»

ОЛИВИЯ

Нет, у него, несомненно, солнечный удар!

Входит СЛУГА.

СЛУГА

Госпожа, молодой придворный герцога Орсино явился: я еле-еле упросил его вернуться. Он ждет распоряжений вашей милости.

179

ОЛИВИЯ

Я выйду к нему.

СЛУГА уходит.

Пожалуйста, Мария, пусть за этим человеком присмотрят. Найди дядюшку Тоби, пусть позаботится, чтобы при нем кто-нибудь неотлучно находился. Я готова отдать половину состояния, только бы с ним не случилось ничего худого.

ОЛИВИЯ и МАРИЯ уходят.

МАЛЬВОЛИО

Ну как, понятно вам, что я за человек? За мной будет присматривать не кто-нибудь, а сам сэр Тоби! Впрочем, это ясно из письма, – она посылает ко мне Тоби нарочно, чтобы я наговорил ему дерзостей: ведь она прямо подбивает меня на это в своем письме. «Сбрось убогую оболочку, – пишет она, – будь хмур с родственником, надменен с челядью, громко рассуждай о делах государственных, порази всех странностью повадок»; и тут же указывает, как мне себя вести: вид должен быть суровый, осанка величавая, речь медлительная, манеры важного господина и прочее. Теперь ей от меня не уйти! Но все это свершилось волей небес, и я благословляю небеса. А когда она сейчас уходила: «Пусть за этим человеком присмотрят!» За человеком! Не за Мальволио, не за дворецким, а за человеком! Все ясно, все одно к одному, ни тени сомнений, ни намек на тень сомнений, никаких препятствий, никаких опасностей и тревог. Что говорить! Никаких преград между мной и полным завершением моих надежд! Но я тут ни при чем, так повелели небеса, и небесам я шлю свою благодарность.

МАРИЯ возвращается вместе с СЭРОМ ТОБИ и ФАБИАНОМ.

СЭР ТОБИ

Ради всего святого, где он? Даже если им черти завладели, пусть хоть целый легион дьяволов, – все равно я должен с ним поговорить.

ФАБИАН

Вот он, вот он! – Что с вами, сударь? Скажите, что с вами?

МАЛЬВОЛИО

Подите прочь, я с вами не знаюсь. Не мешайте мне наслаждаться уединением. Прочь отсюда!

180

МАРИЯ

Слышите? Думаете, это он так хрипло бормочет? Это бес, который в него вселился. – Сэр Тоби, госпожа просила вас присматривать за ним.

МАЛЬВОЛИО

Ага! Вам понятно?

СЭР ТОБИ

Ну-ну-ну, успокойся, успокойся! - С ним нужно обращаться поласковей: предоставьте это мне. – Как ты себя чувствуешь, Мальволио? Как твое здоровье? Не поддавайся дьяволу, друг мой, вспомни - он враг рода человеческого.

МАЛЬВОЛИО

Что вы такое несете?

МАРИЯ

Видите, как он злится, когда бранят нечистого? Упаси нас боже, а вдруг на него напустили порчу?

ФАБИАН

Надо бы отнести его мочу к знахарке.

МАРИЯ

Завтра же отнесу, если только доживу до утра. Сказать вам не могу, как расстроится госпожа, если его потеряет.

МАЛЬВОЛИО

Как-как, сударыня?

МАРИЯ

Ой господи!

СЭР ТОБИ

Придержи-ка язык: так нельзя. Видишь, как ты его раздражаешь. Я с ним без твоей помощи справлюсь.

ФАБИАН

Лаской, только лаской! Совсем ласково. Дьявол такой грубиян, что терпеть не может, когда с ним грубо обходятся.

СЭР ТОБИ

Ну как, петушок? Как тебе кукарекается?

МАЛЬВОЛИО

Сударь!

181

СЭР ТОБИ

«Пойдем со мною, Бидди!» Вот что, приятель, не подобает порядочному человеку водиться с сатаной: гони его в шею, черномазого!

МАРИЯ

Дорогой сэра Тоби, заставьте его читать молитвы! Пусть молится!

МАЛЬВОЛИО

Читать молитвы, дерзкая девчонка?

МАРИЯ

Вот видите, он просто не выносит, когда при нем говорят о чем-нибудь божественном!

МАЛЬВОЛИО

Да провалитесь вы все, пустые, жалкие твари! Я вам не чета! Вы еще узнаете, кто я такой. *(Уходит.)*

СЭР ТОБИ

Сплю я, что ли?

ФАБИАН

Если бы я увидел это на сцене, я сказал бы, что в жизни такого вздора не бывает.

СЭР ТОБИ

Наша выдумка влезла ему прямо в печенки.

МАРИЯ

Бегите за ним, а не то как бы эта самая выдумка не вылезла на свет божий и не завоняла.

ФАБИАН

А вдруг он и впрямь рехнется?

МАРИЯ

Спокойнее станет в доме, только и всего.

СЭР ТОБИ

Пойдемте запихаем его в чулан и свяжем. Племянница уже поверила, что он спятил, поэтому мы можем продолжать, себе на радость, а ему в наказание, пока эта затея нам не прискучит. Ну, а тогда мы смилуемся над ним. Потом мы обнародуем всю историю, а тебе выдадим награду за поимку сумасшедшего. Но смотрите, кто идет!

Входит СЭР ЭНДРЮ.

182

ФАБИАН

Еще один шут гороховый!

СЭР ЭНДРЮ

Вот мой вызов. Прочтите его. Уж я не пожалел уксуса и перца.

ФАБИАН

Будто бы и впрямь такой острый?

СЭР ЭНДРЮ

Еще бы! Могу поручиться! Читайте же.

СЭР ТОБИ

Дай-ка мне. (*Читает.*) «Молокосос, кто бы ты ни был, ты паршивое отродье!»

ФАБИАН

Крепко сказано. И красиво к тому же.

СЭР ТОБИ

(читает)

«Не удивляйся и не спрашивай, почему я тебя так обзываю, потому что я не намерен тебе это объяснять».

ФАБИАН

Тонко придумано: на нет и суда нет.

СЭР ТОБИ

(читает)

«Ты приходишь к графине Оливии, и на моих глазах она любезничает с тобой. Но ты гнусный лжец, хотя я вызываю тебя не по этой причине».

ФАБИАН

Кратко и совершенно... бессмысленно!

СЭР ТОБИ

(читает)

«Я подкараулю тебя, когда ты пойдешь домой, и если тебе удастся убить меня...»

ФАБИАН

Превосходно!

183

СЭР ТОБИ

(читает)

«...ты убьешь меня как подлец и негодяй».

ФАБИАН

Лазейку вы все-таки себе оставляете. Превосходно!

СЭР ТОБИ

(читает)

«Будь здоров, и да смилуется небо над душой одного из нас. Может, это будет моя душа, но я надеюсь на лучшее: поэтому берегись. Твой друг, если ты хорошо со мной обойдешься, и твой заклятый враг

Эндрю Эгьючик».

Если это письмо не выведет его из себя, значит, он вообще не в себе.

МАРИЯ

И случай сейчас подходящий: он вот-вот кончит беседовать с госпожой и уйдет от нее.

СЭР ТОБИ

Иди, сэр Эндрю, засядь где-нибудь в саду, точно ты судебный пристав, а как только завидишь его, так прямо и кидайся со шпагой и при этом ругайся на чем свет стоит; знаешь, чтобы прослыть храбрецом, можно обойтись и без подвигов: сумей только браниться позычнее, да похвастливее, да позабористей. Ступай!

СЭР ЭНДРЮ

Что-что, а ругаться я мастер. (*Уходит.*)

СЭР ТОБИ

Ну нет, письмо я передавать не стану. По манерам этого молодого человека сразу видно, что он и неглуп и хорошо воспитан, да и доверие к нему его господина и моей племянницы подтверждает это. Стало быть, такое дурацкое письмо никак не испугает мальчишку: он сразу поймет, что его писал олух. Лучше я передам вызов устно, распишу в самых ужасных выражениях отвагу Эгьючика и заставлю юнца поверить – юность ведь всегда доверчива, – что нет на свете человека более искусного в фехтовании, более бесстрашного, отчаянного и неистового. Они оба до того перетрусят, что прикончат друг друга взглядами, как василиски.

Возвращается Оливия вместе с Виолой.

184

ФАБИАН

А вот и он сам, и ваша племянница с ним. Давайте отойдем, пусть он попросится, а потом сразу его нагоним.

СЭР ТОБИ

Я же тем временем сочиню такой вызов, что у него кровь заледенеет в жилах.

Сэр Тоби, Фабиан и Мария уходят.

О л и в и я

Я все сказала каменному сердцу,
Я даже гордость в жертву принесла,
И вот корю себя теперь за слабость...
Но эта слабость так во мне сильна,
Что мне смешными кажутся укоры!

В и о л а

Теперь я вижу: ваша страсть похожа
На горе государя моего.

О л и в и я

Возьмите медальон – в нем мой портрет.
Он докучать не станет вам, не бойтесь.
Я жду вас завтра. Как! Опять отказ?
А я ни в чем, что чести не порочит,
Не отказала б вам.

В и о л а

Тогда, прошу,
Отдайте сердце герцогу Орсино.

О л и в и я

Но честно ль подарить Орсино то,
Что отдано тебе?

В и о л а

Я не обижусь.

О л и в и я

Итак, до завтра. Ты исчадь ада,
Но я с тобою и погибнуть рада.

(Уходит.)

Входят СЭР ТОБИ и ФАБИАН.

185

СЭР ТОБИ

Храни вас бог, юноша.

В и о л а

Вас также, сударь.

СЭР ТОБИ

Если у вас есть чем защищаться, будьте наготове. Мне неведомо, чем вы оскорбили этого человека, но он полон злобы и подстерегает вас у садовых ворот, точно алчущий крови охотник. Пусть ваша рапира покинет свое убежище, не теряйте ни минуты; ваш недруг искусен, ловок и неутомим.

ВИОЛА

Сударь, вы ошибаетесь: уверяю вас, на свете нет человека, который мог бы считать себя оскорбленным мною. В здравом уме и твердой памяти говорю вам, что никогда никого ничем не обидел.

СЭР ТОБИ

А я утверждаю, что скоро вы убедитесь в противном. Поэтому, если вам хоть немного дорога жизнь, приготовьтесь к защите, ибо враг ваш обладает всем, чем юность, сила, ловкость и гнев могут одарить человека.

ВИОЛА

Сударь, скажите хотя бы, кто он такой?

СЭР ТОБИ

Рыцарь, посвященный в рыцарство придворной шпагой за кошельковые заслуги. Но в уличных потасовках он – сам дьявол. Он уже трижды разлучал души с телами, а ярость его сейчас так разбуянилась, что утихомирить ее можно только смертными муками и могилой. Будь что будет – таков его клич. Убей или умри!

ВИОЛА

Я вернусь и попрошу у графини провожатых. Я не любитель драк. Мне доводилось слышать о людях, которые нарочно задирают других, чтобы испытать их храбрость: должно быть, ваш приятель тоже из этой братии.

СЭР ТОБИ

Нет, сударь, он негодует по очень существенной причине; поэтому приготовьтесь исполнить то, что он требует. Никуда вы не вернетесь, если не хотите иметь дело со мной, а я не менее опасен, чем он. Поэтому либо идите к воротам, либо обнажайте шпагу. Хотите не хотите, а драться вы будете, или навсегда распрощаетесь с оружием.

ВИОЛА

Это не только неучтиво, но и непонятно. Прошу вас, окажите мне услугу, узнайте у рыцаря, чем я перед ним провинился. Если я и обидел его, то непреднамеренно.

СЭР ТОБИ

Что ж, таки быть, исполню вашу просьбу. – Синьор Фабиан, побудьте с молодым человеком, пока я вернусь. (*Уходит.*)

ВИОЛА

Скажите, пожалуйста, сударь, известно вам что-нибудь об этом деле?

ФАБИАН

Могу только сказать, что рыцарь готов драться не на жизнь, а на смерть, в такой он ярости; больше я ничего не знаю.

ВИОЛА

Позволю себе спросить вас, что он за человек?

ФАБИАН

Видите ли, по внешности этого рыцаря никак не скажешь, что он такой уж отважный. Но испытайте его храбрость, и вы поймете, что он самый искусный, свирепый и опасный фехтовальщик во всей Иллирии. Хотите, пойдём к нему навстречу. Я постараюсь помирить его с вами.

ВИОЛА

Я буду вам очень признателен. Судите как хотите о моем мужестве, но, если на то пошло, общество священников подходит мне куда больше, чем общество рыцарей.

Уходят.

Возвращается СЭР ТОБИ с СЭРОМ ЭНДРЮ.

СЭР ТОБИ

Скажу по правде, он сущий дьявол. В жизни не видывал такого гарпия. Я попробовал сразиться с ним на рапирах, ножах и прочем, и у него оказался такой смертельный выпад, что деваться некуда. А уж отбиваясь, он попадает в цель так точно, как ноги в землю при ходьбе. Говорят, он был фехтовальщиком у самого персидского шаха.

СЭР ЭНДРЮ

Пропади он пропадом! Не хочу я с ним связываться.

187

СЭР ТОБИ

Но его никак не утихомирить: Фабиан еле-еле справляется с ним там.

СЭР ЭНДРЮ

Вот черт! Знал бы я, что он такой храбрец и так здорово фехтует, я подождал бы с вызовом, пока он не издохнет. Уговорите его отказаться от поединка, и я подарю ему за это мою серую лошадку Капилет.

СЭР ТОБИ

Что ж, пойду попробую, а ты стой тут да держи голову повыше: вот увидишь, все обойдется без членовредительства. (*В сторону.*) Лопни мои глаза, если я не буду ездить на твоей лошади, как сейчас ежжу на тебе.

Возвращаются ФАБИАН и ВИОЛА.

(*Фабиану.*)

Я получу его лошадь, если улажу дело. Я его убедил, что этот мальчишка – дьявол, дьявол во плоти.

ФАБИАН

А тот сам до смерти его боится: видите, побледнел и тяжело дышит, будто за ним медведь гонится.

СЭР ТОБИ

(*Виоле*)

Ничего не попишешь, сударь, он поклялся, что будет с вами драться. Но так как, поразмыслив насчет этой обиды, рыцарь считает ее пустячной и не стоящей разговоров, то он обещает не причинить вам вреда, если только вы обнажите шпагу и не помешаете ему исполнить клятву.

ВИОЛА

(*в сторону*)

Да поможет мне бог! Еще немного – и все увидят, что я вот ни на столько не мужчина.

ФАБИАН

Если он очень уж разъярится – отступайте.

СЭР ТОБИ

Ничего не попишешь, сэр Эндрю: молодой человек должен разок скрестить с тобой шпагу. Этого требует его честь. По законам дуэли он не может отказаться от схватки, но зато дает слово дворянина и воина, что не причинит тебе вреда. Ну-ка, становись в позицию.

188

СЭР ЭНДРЮ

Дай бог, чтобы он сдержал слово! (*Обнажает шпагу.*)

ВИОЛА

Уверяю вас, мне совсем не хочется драться! (*Обнажает шпагу.*)

Входит Антонио.

АНТОНИО

(*сэру Эндрю*)

Постойте, сударь! Он ли вас обидел,
Иль вы его – но драться на дуэли
Вы будете со мною, а не с ним!

(*Обнажает шпагу.*)

СЭР ТОБИ

С вами, сударь? А кто вы такой?

АНТОНИО

Тот, кто способен из любви к нему
На большее, чем выразить умеет.

СЭР ТОБИ

Ну, если вы любитель совать нос в чужие дела, обнажайте
шпагу!

Дерутся.

ФАБИАН

Сэр Тоби, бога ради, прекратите, сюда идут пристава!

Входят пристава.

СЭР ТОБИ

Сейчас я с ним управлюсь!

В И О Л А

(сэру Эндрю)

Сударь, будьте добры, вложите шпагу в ножны.

С Э Р Э Н Д Р Ю

С великой охотой, сударь. А что касается моего обещания, то можете не сомневаться, я свое слово сдержу. Она смиренная и хорошо слушается поводырь.

189

П Е Р В Ы Й П Р И С Т А В

Вот он. Скорее арестуй его.

В Т О Р О Й П Р И С Т А В

По приказанью герцога Орсино,
Антонио, я арестую вас.

А Н Т О Н И О

Меня? Вы, сударь, верно, обознались.

П Е Р В Ы Й П Р И С Т А В

Ну нет! Я вас в лицо отлично знаю,
Хоть вы и без матросского берета.
Веди его: мы старые знакомцы.

А Н Т О Н И О

Что ж, подчинюсь.

(Виоле.)

Я всюду вас искал,
Вот и попался. Дела не поправишь.
Но вы-то как же? Ведь теперь придется
Мне попросить у вас мой кошелек.
Я не смогу помочь вам – это хуже
Всех бед моих. Вы смущены, мой друг?
Прошу вас, не горюйте.

П Е Р В Ы Й П Р И С Т А В

Ну, пошли.

А Н Т О Н И О

Лишь часть тех денег я возьму себе.

В И О Л А

Какие деньги, сударь?
Я тронут вашей добротой ко мне
И тем, что вы сейчас в беду попали, –
Поэтому, конечно, я согласен
Помочь вам из моих убогих средств.
Немного денег в этом кошельке,
Но вот вам половина.

А Н Т О Н И О

От меня
Вы отрекаетесь? Ужель могли вы

190

Забывать о том, что сделал я для вас?
В мой черный день меня не искушайте,
Иль я унижусь до напоминанья
О всех моих услугах вам.

В И О Л А

Но я
О них не знаю, как не знаю вас.
Неблагодарность в людях мне противней
Хмельного пустословья, низкой лжи,
Любых пороков, что, как червь, снедают
Податливую нашу плоть.

А Н Т О Н И О

О небо!

В Т О Р О Й П Р И С Т А В

Идемте, сударь. Хватит болтовни!

А Н Т О Н И О

Нет, подождите! Этого юнца
Я выхватил из лап когтистых смерти,
Любил его, пред ним благоговел,
Как будто все, что людям в жизни свято,
Он, безупречный, воплотил в себе.

П Е Р В Ы Й П Р И С Т А В

А мы при чем? Нам некогда, пойдемте.

А Н Т О Н И О

Но он кумир презренный, а не бог.

О Себастьян, ты красоту порочишь!
Чернит природу зла тлетворный дух;
Тот выродок, кто к благу сердцем глух;
Добро прекрасно, а порок смазливый –
Бесовский плод, румяный, но червивый.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВ

Совсем рехнулся! Ну пошли, пошли.

АНТОНИО

Ведите, я готов.

(Уходит вместе с приставами.)

191

ВИОЛА

Он говорил, в свою ошибку веря
И мучаясь... Но верю ль я химере?
Ах, брат мой, если б не было мечтой,
Что спутали сейчас меня с тобой!

СЭР ТОБИ

Иди сюда, рыцарь; иди сюда, Фабиан: обменяемся тихонько
словечком об этом деле. На этот счет есть презабавные
куплеты...

ВИОЛА

Меня назвали Себастьяном... Боже!
Мне стоит в зеркало взглянуть – и что же?
Передо мной его живой портрет:
Черты лица, покрой одежды, цвет...
Да, если мне с ним суждено свиданье,
То в соли волн есть сладость состраданья.

(Уходит.)

СЭР ТОБИ

Бесстыжий, дрянной мальчишка, и к тому же труслив как
заяц: что бесстыжий, это ясно, раз он бросил друга в беде, а
насчет трусости можешь спросить Фабиана.

ФАБИАН

Трус, притом добротный – первый сорт!

СЭР ЭНДРЮ

Ей-богу, сейчас пойду за ним и отлущую его.

СЭР ТОБИ

Правильно. Отколошмать как следует, только не вздумай обнажать шпагу.

СЭР ЭНДРЮ

Ну нет, обязательно вздумаяю. (*Уходит.*)

ФАБИАН

Пойдемте посмотрим, что из этого выйдет.

СЭР ТОБИ

Голову прозакладываю, что ничего.

Уходят.

192

АКТ IV.

СЦЕНА 1.

Перед домом Оливии.

Входят СЕБАСТЬЯН и ШУТ.

ШУТ

И думаете, я поверю, что вы не тот, за кем меня послали?

СЕБАСТЬЯН

Иди-иди, оставь меня в покое:

Ты не в своем уме.

ШУТ

Ей-ей, отлично сыграно! Ну еще бы, я вас в глаза не видел, и госпожа послала меня не за вами, и хочет видеть она не вас, и Цезарио не ваше имя, и мой нос не мой, а чужой. И вообще черное – это белое.

СЕБАСТЬЯН

Не изливай потока безрассудств:

Меня не знаешь ты.

ШУТ

Изливать поток безрассудств! Он подцепил эти слова у какого-нибудь важного господина, а теперь повторяет их шуту! Изливать поток безрассудств! Ох, боюсь, как бы весь

род людской, этот великовозрастный пентюх, не оказался на проверку жеманным фатом.

193

– Знаешь что, брось кривляться и скажи, что мне излить госпоже: излить ей, что ты придешь?

СЕБАСТЬЯН

Прошу тебя, уйди, глупец несчастный!
Вот деньги, получай. А не отстанешь,
Получишь по зубам...

ШУТ

Рука у тебя щедрая, ничего не скажешь. Умники тем и славятся, что швыряют деньги дуракам.

Входят СЭР ЭНДРЮ, СЭР ТОБИ и ФАБИАН.

СЭР ЭНДРЮ

Как, сударь, вы опять здесь? Получайте, вот вам! *(Дает пощечину Себастьяну.)*

СЕБАСТЬЯН

А вот тебе, и вот еще, и вот!

(Бьет сэра Эндрю.)

Тут, видно, все взбесились!

СЭР ТОБИ

Прекратите, сударь, или ваша шпага полетит на крышу! Пойду и доложу обо всем госпоже; ни за какие деньги не согласился бы очутиться в вашей шкуре, – такое она вам пропишет. *(Уходит.)*

СЭР ТОБИ

(держит Себастьяна)

Успокойтесь, сударь, прекратите!

СЭР ЭНДРЮ

Оставьте, не трогайте его: я с ним по-другому рассчитаюсь. Я подам на него в суд за оскорбление действием – ведь есть же еще в Иллирии законы. Правда, я первый стукнул его, но это не в счет.

СЕБАСТЬЯН

Прочь руки от меня!

СЭР ТОБИ

Утихомирьтесь, сударь, я ваших рук не отпущу. Ну-ну, мой юный вояка, спрячьте эту железку. Слишком уж вы разбуянились, успокойтесь.

194

СЕБАСТЬЯН

(вырываясь из рук сэра Тоби).

Прочь, говорю! Тебе, я вижу, мало?
Коль хочешь драться, шпагу обнажай!

СЭР ТОБИ

Что, что? Нет, видать, придется мне выпустить из тебя парочку унций твоей бешеной крови. *(Обнажает шпагу.)*

Входит Оливия.

ОЛИВИЯ

Стой, Тоби, слышишь? Отпусти его!

СЭР ТОБИ

Сударыня!..

ОЛИВИЯ

Доколь терпеть мне? Грубиян несносный,
Тебе бы жить в горах, в берлогах диких,
Где не нужна учтивость... Вон пошел! –
Цезарио, прошу вас, не сердитесь! –
Уйдите, негодяи!

СЭР ТОБИ, СЭР ЭНДРЮ и ФАБИАН уходят.

Милый друг,
Пусть будет разум, а не гнев судьбою
Бесчинного и грубого набега
На твой покой. Пойдем ко мне скорей:
Я расскажу о каверзах нелепых
Невежи этого – и сам ты первый
Над ними посмеешься. Ну идем же!
Ах, выносить его уже нет сил:
Задев тебя, он сердце мне пронзил.

СЕБАСТЬЯН

Что это значит? Кто она, кто он?
Я обезумел иль мне снится сон?
К тебе моление, Лета, возношу:
Коль это сон, продли его, прошу.

ОЛИВИЯ

Доверься мне!

195

СЕБАСТЬЯН

Всю жизнь я вверяю вам.

ОЛИВИЯ

О, повтори обет свой небесам!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Дом Оливии.

Входят МАРИЯ и ШУТ.

МАРИЯ

Надень, пожалуйста, эту рясу и подвяжи бороду: пусть он думает, что ты сэр Топас, священник. Только побыстрей, а я тем временем сбегаю за сэром Тоби. (*Уходит.*)

ШУТ

Ладно, надену, притворюсь, что я не я. Эх, кабы я был первым притворщиком в рясе! В проповедники я не гожусь – ростом не вышел, в ученые богословы не возьмут – брюха не отрастил, но, по мне, прослыть честным малым и рачительным хозяином не хуже, чем считаться добрым пастырем и великим ученым. А вот и заговорщики явились.

Входят СЭР ТОБИ и МАРИЯ.

СЭР ТОБИ

Да благословит тебя Юпитер, господин пастор.

ШУТ

Wonosdies⁹, сэр Тоби, ибо, подобно тому как древний пражский старец-отшельник, отродясь не видывавший пера и чернил, с великим остроумием ответил племяннице короля Горбодука: «Что есть, то есть», так и я, поскольку я

есмь господин пастор, постольку я есмь господин пастор, ибо что такое «то», как не «то», и что такое «есмь», как не «есмь»?

СЭР ТОБИ

Обратись к нему, сэр Топас.

ШУТ

Эй, как там тебя! Мир сей темнице!

196

СЭР ТОБИ

А здорово передразнивает плут! Отменный плут!

МАЛЬВОЛИО

(за сценой)

Кто меня зовет?

ШУТ

Сэр Топас, священник, явился навестить Мальволио, помешанного.

МАЛЬВОЛИО

Сэр Топас, сэр Топас, дорогой сэр Топас, пойдите к моей госпоже.

ШУТ

Изыди, враг неизреченный! Как искушаешь ты сего человека! – Ты что же, только о госпожах и умеешь разговаривать?

СЭР ТОБИ

Хорошо сказано, господин пастор.

МАЛЬВОЛИО

Сэр Топас, меня неслыханно оскорбили! Дорогой сэр Топас, поверьте мне, я вовсе не сумасшедший. Они заперли меня здесь в мерзостной темноте.

ШУТ

Сгинь, сатана бесчестный! Скажи спасибо, что я обхожусь с тобой столь мягко: я принадлежу к тем кротким душам, которые и с чертом сохраняют учтивость. – Ты смеешь утверждать, что помещение сие погружено во тьму?

МАЛЬВОЛИО

Как преисподняя, сэр Топас.

Ш у т

Да ведь тут окна в нишах, и они прозрачны, как забор, и еще есть оконца на юго-север, и они сияют, как черное дерево! И ты смеешь жаловаться на помрачение!

МАЛЬВОЛИО

Я в своем уме, сэр Топас: говорю вам, тут темно, хоть глаз выколи.

Ш у т

Умалишенный, ты бредишь: говорю тебе, ты не во мрак погружен, а в невежество, в коем блуждаешь, как египтянин во тьме.

197

МАЛЬВОЛИО

А я вам говорю, что этот чулан темнее всякого невежества, будь оно темнее преисподней, и что меня неслыханно оскорбили. Я не больше сошел с ума, чем вы: можете проверить, задайте мне любой здравый вопрос.

Ш у т

Каково воззрение Пифагора на дичь?

МАЛЬВОЛИО

Таково, что, может быть, душа нашей бабушки переселилась в глупую птицу.

Ш у т

Каков твой взгляд на это воззрение?

МАЛЬВОЛИО

У меня более возвышенный взгляд на душу, и я никак не одобряю его воззрений.

Ш у т

Счастливо оставаться. Продолжай пребывать во тьме. Да проникнешься ты воззрением Пифагора, иначе я не признаю тебя здравомыслящим, и да убоишься стрелять

глупышей, дабы не покалечить душу своей бабушки.
Счастливо оставаться!

МАЛЬВОЛИО

Сэр Топас, сэр Топас!

СЭР ТОБИ

Неподражаемый сэр Топас!

ШУТ

Видите, я и швец и жнец, и на дуде игрец!

МАРИЯ

А ряса и борода ни к чему: он ведь тебя не видит.

СЭР ТОБИ

Поговори с ним обычным своим голосом, а потом расскажешь мне, что и как. Очень мне хочется поскорее развязаться с этой затеей. Хорошо бы освободить его под каким-нибудь пристойным предлогом: моя племянница сейчас так гневается на меня, что продолжать нашу игру не следует. Не мешкай, скорей приходи ко мне в комнату.

СЭР ТОБИ и МАРИЯ уходят.

198

ШУТ

(поет)

«Эй ты, Робин, храбрый Робин,
Ты доволен ли женой?»

МАЛЬВОЛИО

Шут!

ШУТ

(поет)

«С ней мне больше жить невмочь!»

МАЛЬВОЛИО

Шут!

ШУТ

(поет)

«Что такое, расскажи!»

МАЛЬВОЛИО

Шут, послушай!

ШУТ

(поет)

«Изменяет мне...»

Кто это меня зовет?

МАЛЬВОЛИО

Пожалуйста, дорогой шут, окажи великую услугу, принеси мне свечу, перо, чернил и бумаги. Даю слово дворянина, я по гроб жизни буду тебе обязан.

ШУТ

Господин Мальволио!

МАЛЬВОЛИО

Что, мой добрый шут?

ШУТ

Увы, сударь, как это случилось, что вы тронулись умом?

МАЛЬВОЛИО

Шут, со мной обошлись постыднейшим образом. Я так же в своем уме, как и ты.

ШУТ

Как я? Ну, если у вас ум, как у дурака, значит, вы действительно помешанный.

199

МАЛЬВОЛИО

Они сунули меня сюда, держат в кромешной тьме, подсылают ко мне каких-то ослов-священников и стараются свести меня с ума.

ШУТ

Подумайте, что вы такое болтаете: священник-то здесь. – Мальволио, Мальволио, да укрепят небеса твой разум! Постарайся уснуть и прекрати нечестивую болтовню.

МАЛЬВОЛИО

Сэр Топас!

Ш у т

Не вступай с ним в переговоры, сын мой. – С ним в переговоры, отче? Да ни за что на свете, отче! Благослови вас бог, дорогой сэр Топас! – Ну еще бы, аминь. – Слушаюсь, отче, слушаюсь.

М А Л Ь В О Л И О

Шут, шут, слышишь, шут?

Ш у т

Имейте терпение, сударь. Что вы говорите, сударь? Меня бранят за то, что я разговариваю с вами.

М А Л Ь В О Л И О

Шут, пожалуйста, раздобудь мне бумагу и свечу. Уверяю тебя, я не более сумасшедший, чем любой здравомыслящий иллириец.

Ш у т

Эх, кабы оно было так, сударь!

М А Л Ь В О Л И О

Это так, клянусь своей рукой! Ради всего святого, шут, немножко чернил, бумаги и огарок свечи – и отнеси потом мою записку госпоже: ты получишь на чай столько, сколько в жизни не получал ни за одно письмо.

Ш у т

Так и быть, помогу вам. Только скажите по совести, вы и впрямь сумасшедший или только прикидываетесь?

М А Л Ь В О Л И О

Да нет же, истинная правда, нет!

Ш у т

В жизни не поверю помешанному, пока не увижу его мозгов.

200

М А Л Ь В О Л И О

Шут, я ничего не пожалею, чтобы отблагодарить тебя. Только прошу тебя, поскорее.

Ш у т

(поет)

Иду, бегу
И помогу
Тебя поднять на смех.
Болвану спесь
Собьем мы здесь,
Как делает старый Грех,
Когда меч он берет
И от злости орет:
«Ко всем чертям ступай!»
И лукавому вмиг
Когти режет старик:
«Почтенный черт, прощай!»

(Уходит.)

СЦЕНА 3.

Сад Оливии.

Входит СЕБАСТЬЯН.

СЕБАСТЬЯН

Вот небеса, вот царственное солнце,
Жемчужина – ее подарок мне...
Со мною чудеса тут происходят,
И все же я не поврежден в уме!
Но где Антонио? Он был в «Слоне»,
И мы с ним разминулись. Мне сказали,
Что в город он пошел искать меня.
Его совет мне был бы драгоценен.
Хотя мой разум, несогласный с чувством,
Здесь видит не безумье, а ошибку,
Но все же этот дивный поворот
В моей судьбе так странен, так немислим,
Что, разуму не веря, я твержу:
«Она безумна или я помешан».
Но будь она действительно безумна,
Ей было б не по силам дом вести
И так спокойно, твердо, неприметно
Распоряжаться и делами править.

Тут что-то непонятное таится...

Но вот она сама сюда идет.

Входят Оливия и Священник.

ОЛИВИЯ

Прошу, не осуждай мою поспешность,
Но если ты в своем решенье тверд,
Святой отец нас отведет в часовню:
Там под священной кровлей перед ним
Ты поклянешься соблюдать мне верность,
Чтоб, наконец, нашла успокоенье
Ревнивая, тревожная душа.
Помолвку нашу сохранит он в тайне,
Пока ты сам не скажешь, что пора
Нам обвенчаться, как пристало мне
И сану моему. Ведь ты согласен?

СЕБАСТЬЯН

Да, я готов произнести обет
И быть вам верным до скончанья лет.

ОЛИВИЯ

Идемте, отче. Небеса так ясны,
Как будто нас благословить согласны.

Уходят.

202

АКТ V.

СЦЕНА 1.

Перед домом Оливии.

Входят Шут и Фабиан.

ФАБИАН

Прошу тебя, сделай милость, покажи мне его письмо.

ШУТ

Почтеннейший Фабиан, тогда и ты исполни мою просьбу.

ФАБИАН

Ну, конечно, с удовольствием!

ШУТ

Не проси меня показать тебе его письмо.

ФАБИАН

Это называется – возьми мою собаку, а взамен отдай мне ее назад.

Входят ГЕРЦОГ, ВИОЛА, КУРИО и придворные.

ГЕРЦОГ

Вы служите графине Оливии, друзья?

ШУТ

Да, государь: мы вроде как ее парадная амуниция.

203

ГЕРЦОГ

А, старый знакомый! Как дела, приятель?

ШУТ

Правду сказать, государь, хорошо по милости врагов, худо по милости друзей.

ГЕРЦОГ

Наоборот: хорошо по милости друзей.

ШУТ

Нет, государь, худо.

ГЕРЦОГ

Как же это может быть?

ШУТ

Очень просто, государь: друзья так меня расхваливают, что превращают в осла, а враги прямо говорят, что я осел; стало быть, враги помогают мне познать самого себя, а друзья морочат голову; ну, а так как выводы подобны поцелуям и четыре «нет» дают в итоге два «да», то и получается, что хорошо по милости врагов и худо по милости друзей.

ГЕРЦОГ

Восхитительное рассуждение!

ШУТ

Вот уж нет, государь, хотя вы, видать, решили удостоить меня великой чести и вступить в число моих друзей.

ГЕРЦОГ

Ну, от моей дружбы тебе худо не будет: на, возьми золотой.

ШУТ

Пожалуйста, государь, станьте двурушником и удвойте левой рукой дело правой.

ГЕРЦОГ

В твоём совете мало благородства.

ШУТ

Я только советую, чтобы ваше благородство посоветовало вашей плоти и крови слазить в карман.

ГЕРЦОГ

Что ж, придется согрешить и стать двурушником: на тебе еще один.

204

ШУТ

Раз, два, три - вот это действительно круглый счет. Недаром говорят, что без третьего раза как без глаза, а на третий раз ноги сами пускаются в пляс; если вы мне не верите, прислушайтесь к колоколу святого Бенедикта: раз, два, три.

ГЕРЦОГ

Ну, нет, больше ты меня не одурачишь и денег из меня не вытянешь. Вот если ты скажешь своей госпоже, что мне нужно побеседовать с ней, и приведешь ее сюда, тогда, может быть, моя щедрость снова проснется.

ШУТ

В таком случае, государь, побаяюйте вашу щедрость, пока я не вернусь. Я иду, государь, только не думайте, что если я чего-то хочу от вас, так, значит, я и впрямь впал в грех похоти. А покамест, государь, пусть ваша щедрость действительно вздремнет, я ее сию минуточку разбужу. *(Уходит.)*

ВИОЛА

А вот и мой спаситель, ваша светлость.

Входят АНТОНИО *и пристава.*

ГЕРЦОГ

О, мы уже встречались с ним! Я помню,
Он был тогда в грязи и, как Вулкан,
Весь черен от порохового дыма.
Он – капитан суденышка дрянного,
Осадки и вместимости ничтожной,
И все же причинил такой ущерб
Сильнейшему из наших кораблей,
Что даже гнев и зависть побежденных
Ему воздали должное. – В чем дело?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВ

Мой государь, Антонио пред вами:
Им «Феникс» был захвачен вместе с грузом
И «Тигр» на abordаж взят в том бою,
Где ваш племянник Тит ноги лишился.
Сегодня он, забыв и страх и совесть,
Ходил по нашим улицам открыто
И даже с кем-то дрался.

ВИОЛА

Государь,
Он шпагу обнажил в мою защиту,

205

Но столько странного наговорил,
Как будто был горячкою охвачен.

ГЕРЦОГ

Прославленный пират! Морской разбойник!
Что за безумье привело тебя
К твоим врагам, которым ты нанес
Кровавую обиду?

АНТОНИО

Славный герцог,
Прозваний этих я не заслужил:
Я не пират и не морской разбойник,
Хотя и вправду ваш старинный враг.
Сюда я колдовством был завлечен:
Вон тот молокосос неблагодарный
Из пенной пасти яростного моря
Был мной спасен, – он погибал в волнах.
Ему я жизнь вернул, ему я отдал
Свою любовь, не знавшую предела.

Пришел я во враждебный этот город
Из преданности, из любви к нему,
А он, хитрец и лицемер трусливый,
Боясь опасность разделить со мной,
Отрекся от меня и отдалился
На двадцать лет в один короткий миг.
Он даже возвратить мне отказался
Мой кошелек, всего лишь час назад
Ему врученный.

В И О Л А

Что за странный бред!

Г Е Р Ц О Г

Когда, по-твоему, пришел он в город?

А Н Т О Н И О

Сегодня. А до этого мы с ним
Три полных месяца не разлучались:
Мы дни и ночи проводили вместе.

Входит Оливия со свитой.

Г Е Р Ц О Г

Графиня! Божество сошло на землю!

(К Антонио.)

А ты, приятель, не в своем уме:
Три месяца мне служит этот мальчик.

206

(К приставам.)

Теперь в сторонку отойдите с ним.

О л и в и я

Чем может быть Оливия полезна
Прославленному герцогу Орсино? –
Цезарио, ты слова не сдержал.

В И О Л А

Сударыня!

Г Е Р Ц О Г

Прекрасная графиня!

О л и в и я

Цезарио, ответь же! – Ваша светлость...

В И О Л А

При герцоге мне долг велит умолкнуть.

О Л И В И Я

Ах, только старой темы не касайтесь:
Она, как после музыки вытѣ,
Противна мне.

Г Е Р Ц О Г

Все так же вы жестоки.

О Л И В И Я

Все так же постоянна, государь.

Г Е Р Ц О Г

В своем упрямстве? Злая красота,
На чей алтарь, молитвам недоступный,
Души моей бесценнейшую нежность
Я приношу, – скажи, что делать мне?

О Л И В И Я

Да все, что вам угодно, ваша светлость.

Г Е Р Ц О Г

Быть может, должен мне служить примером
Египетский пират, что перед смертью
Хотел убить любимую? Ведь ревность

207

Порой в своих порывах благородна...
Но нет! Хотя ты страсть мою отвергла –
И я отчасти знаю, кто посмел
Закрывать мне путь к венцу моих желаний, –
Живи и впредь принцессой ледяной!
Но твоего избранника, любимца, –
Клянусь, он горячо любим и мной, –
Не допущу к тебе, жестокосердой,
Отвергнувшей меня ради него. –
Пойдем, мой мальчик! Злоба мозг туманит.
Я погублю тебя, ягненок хрупкий,
Мстя ворону в обличий голубки.

(Направляется к выходу.)

В И О Л А

А я, чтоб только вам вернуть покой,
С восторгом смерть приму, властитель мой!

(Следует за герцогом.)

О л и в и я

Куда, Цезарио?

В И О Л А

Иду за ним,
Кого люблю, кто стал мне жизнью, светом,
Кто мне милей всех женщин в мире этом.
Коль это ложь, пускай огонь небес
Меня сожжет, чтоб я с земли исчез!

О л и в и я

Покинута! Какое вероломство!

В И О Л А

Кто вас покинул? Кто обидеть мог?

О л и в и я

Забыл? Уже? В такой короткий срок? –
Позвать священника!

Слуга уходит.

Г Е Р Ц О Г

(Виоле)

Ступай за мною.

208

О л и в и я

Ужели ты расстанешься с женою?

Г Е Р Ц О Г

С женой?

О л и в и я

С женой. Посмей солгать в ответ!

Г Е Р Ц О Г

Ты ей супруг?

В И О Л А

Я? Нет, мой герцог, нет!

О л и в и я

Увы, ты от меня сейчас отрекся
Из низменного страха. Не страшись,
Прими свою судьбу, собой останься,
И сразу же ты станешь вровень с тем,
Кого боишься.

Входит Священник.

О святой отец,
Сейчас неожиданно все узнали то,
Что до поры до времени хотели
Мы утаить, – и я молю поведать.
Какое таинство соединило
Меня вот с этим юношей.

С в я щ е н н и к

Какое?
Союз любви нерасторжимый, вечный:
Он подтвержден соединеньем рук,
Запечатлен священным поцелуем,
Скреплен обменом золотых колец.
Обряд в моем присутствии свершился
И засвидетельствован мной как должно.
С тех пор, как говорят мои часы,
На два часа я ближе стал к могиле.

Г е р ц о г

Щенок лукавый! Кем ты станешь в жизни,
Когда седины шерсть посеребрят?
Иль, может, надувая всех на свете,
Ты в собственные попадешься сети?

209

Прощай, бери ее и не забудь:
Страшись еще раз пересечь мне путь.

В и о л а

Мой государь...

Г е р ц о г

Молчи, не надо лести:
Храни и в трусости хоть каплю чести.

Входит Сэр Эндрю с разбитой головой.

СЭР ЭНДРЮ

Ради бога, лекаря! Скорее лекаря к сэру Тоби!

Оливия

Что с ним такое?

СЭР ЭНДРЮ

Он проломил мне голову и сэру Тоби тоже раскроил череп. Ради бога, помогите! Я бы сорока фунтов не пожалел отдать, чтобы мне быть сейчас дома!

Оливия

Но кто на вас напал?

СЭР ЭНДРЮ

Герцогский придворный, Цезарио. Мы думали, он трус, а он самый отъявленный дьявол.

ГЕРЦОГ

Цезарио?

СЭР ЭНДРЮ

Господи спаси и помилуй, он опять тут! Вы проломили мне голову ни за что ни про что, а если и было за что, так это сэр Тоби меня подговорил.

ВИОЛА

Что это значит? Я не трогал вас.
Вы обнажили шпагу без причины,
А я старался вас уговорить.

СЭР ЭНДРЮ

Если раскроить череп – значит уговаривать, вы уговорили меня. Для вас, видно, раскроить череп пустячное дело.

Входит Шут, поддерживая пьяного СЭРА ТОБИ.

210

А вот и сэр Тоби приплелся. Сейчас он сам все расскажет. – Не будь он так на взводе, уж он бы разделался с вами по-своему!

ГЕРЦОГ

Что с вами, сударь? Что произошло?

СЭР ТОБИ

А мне наплевать! Стукнул меня, и все тут. Дурак, куда запропастился Дик-лекарь, а, дурак?

ШУТ

Да он уже с час назад как совсем упился, сэр Тоби. У него с восьми утра язык не ворочается.

СЭР ТОБИ

Значит, он скотина и к тому же бодливая. Ненавижу пьяную скотину.

ОЛИВИЯ

Уберите его. Кто это их так изукрасил?

СЭР ЭНДРЮ

Я помогу вам, сэр Тоби, – нас ведь вместе будут перевязывать.

СЭР ТОБИ

Поможешь? Ах ты, ослиная голова, плут, худоба несчастная, образина!

ОЛИВИЯ

В постель его! Пусть перевяжут рану.

ШУТ, ФАБИАН, СЭР ТОБИ и СЭР ЭНДРЮ *уходят.*

Входит СЕБАСТЬЯН.

СЕБАСТЬЯН

Я родственника вашего ударил
И виноват, конечно, перед вами.
Но будь он даже брат мне, я не мог бы
Иначе поступить. Смятенье ваше
Мне говорит, что гневаетесь вы.
Во имя нашей нерушимой клятвы,
О милая, простите мне мой грех!

ГЕРЦОГ

Одно лицо, походка, голос тот же
У двух людей! Как в зеркале волшебном!

Антонио, Антонио, мой друг!
Как я считал минуты, как терзался
С тех пор, как ты бог весть куда пропал!

АНТОНИО

Вы – Себастьян?

СЕБАСТЬЯН

Ты не уверен в этом?

АНТОНИО

Но как же вы могли так раздвоиться?
Две половинки яблока различной,
Чем вы. Скажите, кто же Себастьян?

ОЛИВИЯ

Невероятно!

СЕБАСТЬЯН

Там не я ль стою?
Нет брата у меня, и я не бог,
Чтоб сразу быть двумя. Мою сестру
Слепые волны жадно поглотили.
Во имя неба, кто же вы такой?
Где ваша родина? Кто ваш отец?

ВИОЛА

Отец мой – Себастьян из Мессалина,
И брата звали тоже Себастьян, –
Увы, он смерть нашел в могиле водной.
Коль призраки в людской одежде ходят, –
Вы – дух и нас пугать пришли.

СЕБАСТЬЯН

Я дух,
Но в том обличье неизменном, в котором
На этот свет из чрева был рожден.
Ах, если бы вы женщиною были,
Я зарыдал бы и воскликнул: «Здравствуй,
Виола, погребенная в волнах!»

ВИОЛА

Пятном родимым, помню, был отмечен
Лоб моего отца.

СЕБАСТЬЯН

И моего.

ВИОЛА

И умер он в тот день, когда Виоле
Исполнилось тринадцать.

СЕБАСТЬЯН

Неизгладимое воспоминанье!
Земной свой путь окончил он в тот день.
Когда сестре тринадцать лет минуло.

ВИОЛА

Хотя мешает нам отдаться счастью
Лишь мой наряд, не мне принадлежащий, –
Не обнимай меня и не целуй,
Пока приметы времени и места
Не подтвердят тебе, что я – Виола.
Я к капитану отведу тебя:
Он спрятал девичью мою одежду
И к государю мне потом помог
На службу поступить. С тех пор мой жребий
От герцога зависел и графини.

СЕБАСТЬЯН

(Оливии)

Как видите, графиня, вы ошиблись,
Но промах ваш теперь судьбой исправлен;
Вы с девушкой хотели обвенчаться
И этого по-своему достигли:
Вам достается девственник в мужья.

ГЕРЦОГ

Вы смущены? Супруг ваш знатен родом.
Ну, что же, если мне мой взор не лжет,
Найду и я в крушенье этом счастье.

(Виоле.)

Мой мальчик, ты твердил мне много раз,
Что я тебе милей всех женщин в мире.

ВИОЛА

И в этом снова сотни клятв я дам
И сохраню их в сердце так же прочно,

Как прочно свод небес в себе хранит
Огонь, что день от ночи отделяет.

ГЕРЦОГ

Дай руку мне. Хочу тебя увидеть
В наряде женском.

ВИОЛА

Он у капитана,
Который спас меня. Но капитан
Сидит сейчас в тюрьме из-за доноса
Мальволио, дворецкого графини.

ОЛИВИЯ

Он будет выпущен. – Позвать немедля
Мальволио. – Ах, я совсем забыла:
Бедняга помешался, говорят.

Возвращаются ШУТ с письмом и ФАБИАН.

Смешались у меня самой все чувства,
И вовсе позабыла я о нем.
Скажи, что с ним сейчас?

ШУТ

Что ж, госпожа, он отбрыкивается от сатаны, как может.
Вот написал вам письмо, и мне бы следовало передать его
утром, да ведь послание помешанного - не проповедь, с ним
можно и повременить.

ОЛИВИЯ

Вскрой и прочти его.

ШУТ

Да укрепит вас своим примером дурак, чьими устами
глаголет помешанный. *(Читает.)* «Клянусь богом,
сударыня...»

ОЛИВИЯ

Да что с тобой? В своем ли ты уме?

ШУТ

Я-то в своем, да он сбрендил. Если ваша милость желает,
чтобы оно было прочитано так, как задумано, вы дозволите
мне провонить его.

ОЛИВИЯ

Читай как полагается.

214

ШУТ

Я и стараюсь, мадонна: чтобы это читать как полагается, надо читать именно так. Воспарите же мыслью и преклоните ухо, моя властительница.

ОЛИВИЯ

(Фабриану)

Нет, лучше ты читай.

ФАБРИАН

(читает)

«Клянусь богом, сударыня, вы оскорбили меня, и скоро все узнают об этом. Вы заперли меня в темноте и поручили вашему пьянчуге-дядюшке надзирать за мной, хотя я не больше сумасшедший, чем вы сами. Я сохранил ваше собственноручное письмо, побудившее меня принять вид, в котором я перед вами предстал, и не сомневаюсь, что с помощью этого письма добьюсь полного признания моей правоты и полного вашего посрамления. Думайте обо мне что хотите. Я выражаюсь не совсем почтительно, потому что глубоко оскорблен. Подвергшийся безумному обхождению Мальволио».

ОЛИВИЯ

Записка в самом деле от него?

ШУТ

Да, госпожа.

ГЕРЦОГ

Я в ней безумия не замечаю.

ОЛИВИЯ

Пойди за ним сейчас же, Фабриан.

ФАБРИАН уходит.

Мой государь, коль вы согласны видеть
Во мне свою сестру, а не супругу,
Мы в этом доме две счастливых свадьбы

Отпразднуем в один и тот же день.

ГЕРЦОГ

Я с радостью приемлю приглашение.

(Виоле.)

Ваш господин освобождает вас.
Но вы так долго службу мне несли,

215

Столь несовместную с девичьим нравом
И с вашим благородным воспитаньем,
Меня своим властителем считая,
Что вот моя рука: отныне вы
Становитесь владычицей владыки.

ОЛИВИЯ

А мне сestroю.

Возвращается ФАБИАН с МАЛЬВОЛИО.

ГЕРЦОГ

Это – ваш безумец?

ОЛИВИЯ

Да, государь. – Мальволио, ну как ты?

МАЛЬВОЛИО

Сударыня, я вами оскорблен,
Жестоко оскорблен.

ОЛИВИЯ

Помилуй, чем же?

МАЛЬВОЛИО

Я оскорблен, графиня. Вот письмо, –
Его писали вы, не отрекайтесь.
Печать, и почерк, и слова, и мысли –
Все ваше, это каждый подтвердит.
Так объясните мне, во имя чести,
Зачем вы, намекая на любовь,
Велели мне носить подвязки накрест,
И желтые чулки, и улыбаться,
И сэра Тоби презирать, и слуг?
Зачем, когда, надеждой окрыленный,
Исполнил я все ваши повеленья,

Вы заперли меня в крошечной тьме,
Священника прислали и меня
На посмеянье отдали? Скажите,
Зачем понадобилось это вам?

О л и в и я

Увы, Мальволио, но этот почерк
Не мой, хотя и очень схож с моим;
Письмо написано рукой Марии.
Она-то и сказала мне о том,

216

Что ты безумен. Вдруг приходишь ты.
Одетый, как указано в записке,
Все время улыбаешься... Послушай,
С тобой сыграли очень злую шутку,
Но мы узнаем имена виновных,
И будешь ты судьей и истцом
В своем же деле.

Ф а б и а н

Госпожа моя,
Дозвольте мне покаяться – в надежде,
Что брань, и препирательства, и ссоры
Не запятнают праздничных часов,
Которым я свидетель. Эту шутку
Придумали мы вместе с вашим дядей,
Чтоб наказать Мальволио за спесь.
Письмо по приказанию сэра Тоби
Своей рукой Мария написала, –
За это Тоби обвенчался с ней.
В ответ на эту каверзу смешную
Мальволио не должен был бы злиться,
Особенно же если честно взвесить
Взаимные обиды.

О л и в и я

В какую западню попал бедняга!

Ш у т

Итак, «одни рождаются великими, другие достигают величия, к третьим оно приходит». Сударь, я принимал участие в этой интерлюдии – играл роль некоего сэра Топаса, но это не суть важно. «Клянусь небом, шут, я не помешанный!» Помните, сударь? «И чего вы, сударыня,

смеетесь шуткам этого пустоголового мерзавца? Когда вы не улыбаетесь, он и двух слов связать не может». Вот так-то круговорот времен несет с собой отмщение.

МАЛЬВОЛИО

Я рассчитаюсь с вашей низкой сворой!

(Уходит.)

ОЛИВИЯ

Он в самом деле оскорблен жестоко.

ГЕРЦОГ

Догнать его и к мировой склонить.
Он должен рассказать о капитане,

217

А там блаженные настанут дни,
И свяжут нас торжественные узы. –
Сестра моя, до той поры мы будем
У вас в гостях. – Цезарио, пойдём.
В наряде этом для меня вы мальчик.
Потом передо мной предстанет дева, –
Моей души любовь и королева.

Все, кроме ШУТА, уходят.

ШУТ

(поет)

Когда я был и глуп и мал –
И дождь, и град, и ветер, –
Я всех смешил и развлекал,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я достиг разумных лет –
И дождь, и град, и ветер, –
Наделал соседям я много бед,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я ввел жену в свой дом –
И дождь, и град, и ветер, –
Пошло все в доме кувырком,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я стал и стар и хил –
И дождь, и град, и ветер, –
Я эль с утра до ночи пил,
А дождь лил каждый вечер.

Был создан мир бог весть когда –
И дождь, и град, и ветер, –
Но мы сюда вас ждем, господа,
И смешить хотим каждый вечер.

(Уходит.)

600

«ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ, ИЛИ ЧТО УГОДНО»

Сохранились сведения, что эта комедия игралась в 1602 году в юридической корпорации Мидл-Темпль. Из этого не следует, однако, что она была новой пьесой. Э. К. Чемберс датирует ее 1599-1600 годами. В последнее время все чаще высказывают мнение, что имя одного из главных героев было дано Шекспиром в честь итальянца Орсино, герцога Браччиано, посетившего Лондон в 1600-1601 годах. Таким образом, мнения сходятся на том, что комедию следует отнести к 1600 году. При этом ее считают последней из жизнерадостных комедий великого драматурга.

При жизни Шекспира комедия в печати не появлялась и впервые была опубликована в фоллио 1623 года. Основная линия действия (Оливия – Орсино-Виола) заимствована из книги Барнеби Рича «Прощание с военной профессией» (1581), но сюжет имел долгую историю до Рича: сначала он появился в итальянской комедии «Перепутанные» (1531), затем в одной из новелл Банделло (1554), от него перешел к французскому Бельфоре и уже отсюда попал в Англию. Но заимствованной была только романтическая линия сюжета. Мальволио, сэр Тоби Белч, Мария, сэр Эндрю Эгьючик – создания Шекспира. Впрочем, и вся романтическая история тоже по-своему осмыслена Шекспиром.

Название является случайным. Двенадцатая ночь после рождества была концом зимних праздников, и она отмечалась особенно бурным весельем. К такому случаю и была приурочена комедия, для которой Шекспир не искал названия, предложив публике считать ее «чем угодно». Критика, однако, приписала названию более значительный смысл. Двенадцатая ночь рождественских праздников была как бы прощанием с весельем. Если верить принятой хронологии творчества Шекспира, то его комедия оказалась «прощанием с веселостью» и для самого драматурга. После «Двенадцатой ночи» появляются «мрачные комедии» и великие трагедии Шекспира, ни одной веселой комедии он уже больше не создаст.

Итак, Шекспир прощается с веселостью. Кажется, он и в самом деле исчерпал все источники комизма и теперь, создавая эту комедию, повторяет в новой комбинации многое из того, с чем мы уже встречались в его прежних произведениях. Комическая путаница из-за сходства близнецов составляла основу сюжета его первой «Комедии ошибок». Девушка, переодетая в мужской наряд, была в «Двух веронцах», «Венецианском купце» и «Как вам это понравится». Такой персонаж

как сэр Тоби Белч сродни Фальстафу, а Эндрю Эгьючик – Слендеру из «Виндзорских насмешниц».

Новым вариантом старого комедийного мотива Шекспира является и тема обманчивости чувств, играющая такую важную роль в «Двенадцатой ночи». Первый намек на это был в «Комедии ошибок», где мы видели Люциану, ошеломленную тем, что Антифол Сиракузский, которого она принимает за его брата, объясняется ей в любви. Еще более развит мотив обманчивости чувств в «Сне в летнюю ночь»: здесь Елена, сначала отвергнутая своим возлюбленным, потом сама отворачивается от него под воздействием колдовских чар. Но самым ярким проявлением ослепленности под влиянием любовных чар был, конечно, знаменитый эпизод, в котором царица эльфов Титания ласкает ткача Основу, украшенного ослиной головой. В «Двенадцатой ночи» обман чувств характерен для Орсино и Оливии.

Наконец, как и в ряде других комедий, действие «Двенадцатой ночи» происходит в обстановке несколько нереальной. Чувства героев являются вполне земными, и сами они – существа из плоти и крови, но мир, в котором они живут, – это сказочная для англичан шекспировского времени Иллирия. Красивое название страны, расположенной на восточном побережье Адриатического моря, звучало тогда так же экзотично, как теперь. Весть об этом далеком крае донесли до Англии моряки, прибывавшие в Лондон со всех концов света. Шекспир любил выбирать для своих комедий сказочные, экзотические места действия. Иллирия, Сицилия, Богемия – эти названия звучали для публики шекспировского театра романтически, и для романтических историй он выбирал страны с такими загадочно заманчивыми названиями.

Нужно было это и для данной комедии, для веселой романтической сказки, которую хотел поведать публике Шекспир. Ведь его «Двенадцатая ночь» изображает то, что не часто случается в жизни, и если бывает, то только там, где происходит действие всех сказок, а оно, как правило, там, куда мы никогда не попадем.

В прекрасной Иллирии живут даже более беззаботно, чем в Арденнском лесу. Здесь не трудятся, не воюют и только иногда охотятся. Главное же занятие населения – любовь и развлечения. Этим занимаются все – от герцога до слуг. Правитель этой сказочной страны делами своего государства не озабочен. У Орсино более важное занятие: он влюблен и услаждает душу мечтами о своей прекрасной возлюбленной, слушая музыку.

В эту страну любви и веселых шуток попадает юная Виола сразу же после кораблекрушения, во время которого она потеряла единственного близкого человека, брата Себастьяна, как две капли воды похожего на нее лицом. И стоит ей оказаться на берегу Иллирии, как ее сразу охватывает особая атмосфера этой сказочной страны. Отважная девушка любит приключения, и раз судьба забросила ее сюда, она готова пойти навстречу любым неожиданностям. Переодевшись в мужское платье, она поступает музыкантом ко двору герцога. Ее маскарад – и средство самозащиты, обычное в те времена, когда женщина должна

была скрывать свою слабость, и проявление свойственного героине авантюризма, и своего рода «розыгрыш», шутка, породившая неожиданные для нее осложнения. И, конечно же, она сразу влюбляется, не только потому, что молода, но и потому, что попала в атмосферу двора, напоенного мечтаниями Орсино о прекрасной любви. В него она и влюбляется, и эта любовь оказывается для нее источником мучительных переживаний.

Прелесть ее юной музыкальной души мгновенно завоевывает Виоле нежное расположение Орсино, чувствующего, что из всех окружающих

602

его паж Цезарио, как назвала себя Виола, лучше всего способен понять его чувства. Но для герцога она – мужчина, и, хотя ренессансные нравы поощряли платоническую страсть между людьми одного пола, о чем свидетельствуют «Сонеты» самого же Шекспира, Виола жаждет любви иной. Но ей присуща самоотверженность. Ее любовь не эгоистична. Для нее будет горьким счастьем, если она сумеет добиться расположения к Орсино со стороны любимой им Оливии. Хотя аналогия не является полной, но строй чувств Виолы находит некоторое соответствие в тех же «Сонетах» Шекспира, лирический герой которых тоже испытал горькое удовлетворение в том, что два прекрасных существа, дорогих для него, полюбили друг друга. Так или иначе. Виола самоотверженно борется за то, чтобы Оливия ответила на чувство Орсино взаимностью. Она умеет так красиво говорить о любви, что добивается неожиданного результата: Оливия влюбляется в переодетую девушку. И здесь начинается комедия обманчивости чувств, которую так любил изображать Шекспир.

Из трех романтических героев комедии Виола единственная обладает не только горячим сердцем, но и ясным умом. Ей одной видна и вся запутанность ситуации, возникшей из-за ее переодевания. Она принадлежит к числу тех шекспировских героинь, чья прекрасная женственность сочетается с устойчивостью чувств, беспредельной верностью, глубиной сердечных переживаний.

Орсино обладает иным душевным складом. Он, как и Ромео до встречи с Джульеттой, не столько любит предмет своих воздыханий, сколько влюблен в любовь. Его молодая душа открылась для большого чувства, но его любовь – это как бы любование красотой переживаний, связанных с этим чувством. Недаром ему так нужна музыка. Она и питает и успокаивает его взволнованные эмоции. Чувства его тонки, и прежние мужественные развлечения, вроде охоты, теперь не доставляют ему удовольствия. Общение с Цезарио дает ему гораздо больше, ибо в нежной душе паж он находит созвучие своим переживаниям. Он даже сам не сознает, насколько важна для него эта дружба. Когда в финале комедии оказывается, что Цезарио – девушка, Орсино не приходится перестраивать свое отношение к этому юному существу, которое он уже раньше полюбил за то, что оно так хорошо понимало его чувства. Поэтому для него открытие подлинной личности Виолы является радостью, и он мгновенно отдает ей всю свою жаждущую взаимности любовь.

Если вся жизнь Орсино проходит в ожидании большой любви, способной заполнить его сердце, то с Оливией мы знакомимся тогда, когда она, вопреки природе, решила отказать себе во всех радостях жизни. Пережив большое горе, утрату отца и брата, Оливия хотела уйти от суеты мира, закрыть доступ привязанностям, лишение которых причиняет страдание. Но душой она молода и, подобно Орсино и Виоле, тоже созрела для любви. Ее решимости вести отшельнический образ жизни не хватает надолго. Как только появляется Цезарио, в ней пробуждается сначала любопытство, а затем страсть. Натура волевая, она готова теперь презреть все и обязательную женскую скромность, и неравенство положения (Цезарио, хотя «он» и дворянин, все же ниже ее по званию). И теперь она добивается взаимности с той энергией, какую Виола-Цезарио проявляла для того, чтобы завоевать ее сердце для Орсино.

Мы смеемся, наблюдая перипетии этой забавной истории, но каким чистым и прекрасным является этот смех! Нам известно, что Оливия ошибается, но смеемся мы не над ней, а над причудами юных сердец, ослепленных избытком кипящих в них чувств. Чувства эти прекрасны

603

и благородны. В них проявляются лучшие душевные способности человека, но и это лучшее, оказывается, может поставить в смешное положение того, кто лишен возможности узнать, что представляет собой тот или та, на кого направлено сердечное чувство.

С Оливией происходит примерно то же, что и с Орсино в конце комедии. Встретив брата Виолы, Себастьяна, она принимает его за полюбившегося ей пажу и, дойдя до предела страсти, предлагает ему немедленно венчаться. Случай свел ее сначала с Виолой, душевные качества которой увлекли воображение юной графини. Она полюбила Цезарио-Виолу не за внешность, а за мужество, характер, настойчивость и поэтичность души. А затем случай же произвел подмену: Оливия встретила Себастьяна, не только лицом, но и другими качествами схожего с сестрой. Он смело пошел навстречу неожиданно обрушившемуся на него потоку страсти Оливии и, подхваченный им, нежданно-негаданно в один миг обрел счастье, которого другие ищут всю жизнь и далеко не всегда находят. Так бывает только в сказках, по ведь перед нами именно сказка о том, как люди ищут счастья в любви, и о том, как оно приходит к ним совсем не так, как они его ожидали. Орсино добивался Оливии, а счастье нашел в Виоле; Оливия жаждала взаимности Цезарио-Виолы, а обрела ее у Себастьяна; Виола страдала, не питая надежд на счастье, но оно неожиданно само пришло к ней; Себастьян искал сестру, а нашел возлюбленную и жену.

То, что происходит в кругу Орсино-Оливии-Виолы-Себастьяна, является высокой комедией, комедией чистых и прекрасных чувств. Все они люди большого душевного благородства, может быть, даже слишком прекрасные для реального мира, но идеальный душевный склад таких людей и вносит в жизнь истинную красоту. Искусство, стремящееся к тому, чтобы поднять человека до

подлинных высот гуманности, истины и красоты, избирает таких героев, чтобы через них раскрыть, на что способен человек в своих лучших проявлениях.

Но это не та бесплотная идеальность, которая лишает художественное изображение убедительности, а высокая духовная настроенность, сочетающаяся с изумительным проникновением в действительные свойства человеческого сердца. Вот почему Шекспир остается реалистом и тогда, когда погружается в мир романтики. И поэтому же во всей этой милой сказке, где красивые чувства ставят людей в смешные положения, мы ощущаем несомненную жизненную правду.

Рядом с этим миром высоких чувств – иной, более земной мир, где человек предстает не в столь изящном виде, но все же не лишен черт по-своему симпатичных. Это мир сэра Тоби Белча и Марии. Они – центр его, как центром мира красивых чувств является Виола.

Сэр Тоби Белч совсем неиллирийский житель. У него не только имя английское. Он типичный «пожиратель бифштексов» и такой же любитель веселых попок, как сэр Джон Фальстаф. Остроумия у него поменьше, чем у славного рыцаря, но разгульную жизнь он любит не меньше его и хорошей шутке тоже знает цену.

Как и Фальстаф, сэр Тоби считает, что рожден для веселья и беззаботной жизни. Но при рождении ему не достались средства для этого, он обедневший дворянин и вынужден жить милостями своей племянницы Оливии. Впрочем, его несколько не смущает положение приживалы, ибо, как и Фальстаф, о существовании морали он даже смутно не подозревает. Было бы лишь что поесть, а главное, выпить! Надо, однако, отдать должное его изобретательности: у него есть и свой источник доходов, помимо харча, получаемого в доме богатой племянницы. Он занимается ремеслом, которое в Лондоне шекспировских времен называлось «ловлей кроликов» – обиранием наивных провинциалов,

604

приезжавших в столицу, Роберт Грин, недруг Шекспира, в нескольких памфлетах описал приемы этого вида городской «охоты».

Сэру Тоби удалось подцепить такого «кролика» - это провинциальный щеголь сэр Эндрю Эгьючик, приехавший в Лондон – простите, в Иллирию, – чтобы себя показать, людей посмотреть и заодно подыскать богатую невесту. Сэр Тоби взялся сосватать ему Оливию. Воздыхания сэра Эндрю по Оливии – забавная пародия на ухаживания Орсино. Конечно, сэр Тоби ни на миг не обманывался на счет возможности женить этого простачка на Оливии. Обманывался сэр Эндрю, и этот обман стоил ему дороговько. Сэр Тоби ест и пьет на его счет, облегчая кошелек простоватого провинциала. Мы встретим впоследствии у Шекспира еще одну такую ситуацию – в «Отелло» (Яго и Родриго), но там она кончится для простачка трагично. Но Тоби не Яго, не злодей, а веселый бонвиван, и Эндрю отделяется потерей кошелька и лошади да несколькими ушибами от Себастьяна.

Под стать пожилому ветрогону сэру Тоби озорная Мария. Она мастерица на выдумки, которыми потешает себя и других. Ей хочется женить на себе сэра Тоби: это сравняло бы ее с госпожой, которой она прислуживает. Впрочем,

расчетливость она проявляет не столько в этом, сколько в забавных проделках, увлекающих ее гораздо больше матримониальных планов. Завлечь сэра Тоби в сети брака – нелегкое дело, ибо он не из тех мужчин, которые добровольно расстаются со свободой бражничать и веселиться. Если уж ему и придет в голову жениться, то разве что на такой озорной девчонке, как Мария, которая сама неистощима на веселые проделки.

Нельзя сказать, что круг сэра Тоби – это дно жизни, ее подонки. Конечно, респектабельностью здесь даже не пахнет, но это не мир зла. Если романтические герои комедии живут в царстве любви, то компания сэра Тоби живет в царстве веселья, и только ханжи да пуритане откажут этому миру в моральном праве на существование. Правда, люди этого мира сами о морали не помышляют, но для нравственного здоровья человечества смех и веселье необходимы, и в этом оправдание веселых домочадцев графини Оливии.

Есть у этих людей враг – дворецкий Мальволио. Положение он занимает невысокое, но окружающим может принести достаточно вреда. Он враг не только им, но и приятной жизни вообще. Мальволио – сухой, чопорный, суровый человек, и есть в нем нечто пуританское. Он охотно поддерживает Оливию в ее стремлении соблюдать траур и жить, отгородившись от сует жизни. С неудовольствием смотрит он на благосклонность Оливии к Цезарию. Его возмущает уже одно то, что люди хотят и могут веселиться, предаваться развлечениям и любить. Сам он имеет одну страсть – честолюбие. Положение дворецкого дает ему малую, но ощутимую власть над домочадцами Оливии. Правда, они весьма непокорны и ему постоянно приходится воевать с ними, но он не теряет надежды укротить их.

Веселая компания сэра Тоби решает проучить Мальволио. Как это сделать, придумывает хохотушка Мария. Этот эпизод слишком известен, и нет нужды пересказывать его. Остановимся на характере его.

Поначалу розыгрыш, заставляющий Мальволио поверить, что Оливия влюблена в него, кажется просто смешным и безобидным. Постепенно, однако, шутники доходят до того, что издеваются над Мальволио не без ожесточения и злости. Современному читателю и особенно зрителю шутка начинает казаться слишком грубой и жестокой, и она уже не доставляет удовольствия. Но не следует забывать, что сэр Тоби и его компания – люди в самом деле грубоватые, любящие на английский манер самые беспощадные «практические шутки» – розыгрыши,

605

от которых человек может иногда серьезно пострадать. Публика шекспировского театра, для которой и казни были интересным зрелищем, смотрела на подобные шутки иначе, чем мы. Одна из шуток – появление шута в облачении священника и исповедь Мальволио (IV, 2) представляет собой пародию на католическую обрядность (над католицизмом в протестантской Англии разрешалось потешаться).

Образ Мальволио, в начале комический, постепенно приобретает иную окраску. В нем появляется нечто вызывающее жалость. Это с одной стороны. А с

другой – фигура его становится зловещей. И хотя в этом мире веселья и любви он бессилен, мрачная тень, отбрасываемая им, напоминает о зле, которое существует в реальном мире, ибо, пусть в приуменьшенном виде, он все же обладает такими чертами, которые омрачали ренессансные идеалы. Его честолюбие, злобность, ханжество и мстительность были теми пороками, которые Шекспир видел и показывал как источники трагического в жизни.

Но здесь Мальволио только угрожает. В мире сказки он немощен. Поэтому даже его герцог велит «уговорить на мир». Мальволио, однако, покидает сцену непримиренным и непримиримым врагом радости и веселья. Они торжествуют победу в серии браков, завершающих комедию. А у нас остается ощущение, что хотя все кончается благополучно, но где-то за пределами этого сказочного мира таятся страшные угрозы человеку и человечности.

Шекспир остается верен себе в том, что даже этот зловещий образ не превратил в ходульное воплощение злодейства. Прежде всего это своеобразный человеческий характер, пусть неприятный, но безусловно реальный. Сэр Тоби, Мария и остальные правы, воюя против Мальволио. Но не вся правда на их стороне. Выше та правда, которая воплощена в душевном благородстве Виолы, Орсино и Оливии. Но в общем люди этих двух миров – союзники в отрицании ханжества и утверждении радости жизни. При этом счастье благородной любви выше тех примитивных удовольствий, ради которых живут Тоби и иже с ним.

Кроме Мальволио, все персонажи комедии добры, жизнерадостны, отзывчивы и веселы. Но есть еще один персонаж, выделяющийся среди них. Это шут Фесте. Мы видим его в числе участников веселого розыгрыша, учиняемого над Мальволио, слышим его дерзкие шутки над теми, кому он обязан повиноваться. Он один из самых остроумных шекспировских шутов. Но есть в нем черта, отличающая его от всех предшественников в комедиях Шекспира.

Фесте меланхоличен, в нем ощущается некоторая усталость от веселья, которым другие так непринужденно наслаждаются. Он выступает в комедии как выразитель настроений, расходящихся с общим тоном ее. В меланхолии Фесте критика давно уже увидела предвестие будущего трагизма Шекспира.

Между тем образ Фесте, каким мы его теперь знаем, – результат изменений, внесенных в комедию в процессе ее сценической истории на шекспировском театре. Открытием этого мы обязаны трем исследователям – Флэйю, Ноблу и Дж. Доверу Уилсону.

Чтобы понять суть дела, надо вспомнить начало комедии. Виола говорит, что она умеет петь и играть на музыкальных инструментах. В качестве музыканта она и поступает ко двору Орсино. Но в нынешнем тексте она нигде не поет и не музицирует. Что это – «забывчивость» Шекспира? Нет. Первоначально роль Виолы исполнял мальчик-актер, умевший красиво петь и игравший на музыкальных инструментах. Нетрудно представить себе, что именно Виола исполняла грустную песню «Поспешите ко мне, смерть, поспешите...», которая так понравилась

Орсино. Она соответствовала и его печальному настроению, вызванному неразделенной любовью, и чувствам самой Виолы.

Но прошло время, мальчик-актер утратил данные, необходимые для этой роли, и песня должна была выпасть из пьесы. Но тут помогло новое обстоятельство. В труппу Бербеджа – Шекспира вступил замечательный комик Роберт Армин, превосходный музыкант, обладавший хорошим голосом. Песня была передана ему. Вчитываясь внимательно в текст, нетрудно увидеть, как была переделана сцена для того, чтобы Фесте был призван ко двору Орсино и исполнил лирическую песню. По-видимому, заодно была добавлена и заключительная песенка, также исполняемая Фесте и носящая иронически-меланхолический характер.

Именно таким путем, по-видимому, проникли в комедию те меланхолические мотивы, которые не только придали новую окраску образу Фесте, но и наложили печать на всю пьесу в целом. Переделка эта относилась уже к тому времени, когда Шекспир создавал свои великие трагедии и «мрачные комедии». Отсюда можно сделать вывод о том, что внесение новых мотивов в комедию не было случайностью. Но не следует преувеличивать их значение. «Двенадцатая ночь» остается одной из самых жизнерадостных, оптимистических комедий Шекспира. Создавая ее в первоначальном виде, Шекспир и не подозревал ни о каком «прощании с веселостью». Лишь потом оказалось, что он никогда уже больше не смог написать ни одной такой веселой и очаровательной комедии, как эта.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ДВЕНАДЦАТОЙ НОЧИ»

Стр. 113. Действующие лица:

Герцог Иллирийский. – Иллирия – восточный берег Адриатического моря. Здесь это название дано воображаемой стране.

Некоторые персонажи носят смысловые имена; Белч значит - отрывка. Эгьючик – имеющий бледные щеки (от английского «aïque» – лихорадка и «cheek» - щеки); имя Мальволио образовано от итальянского «mala voglia» – злая воля, злонамеренность.

Стр. 116. ...печень, мозг и сердце... – Отражение доктрины Платона, считавшего эти три органа носителями трех видов душевной деятельности - страсти, мышления и воли.

Стр. 117. Элизий, или Элизиум, Елисейские поля (миф.) – обитель доблестных душ.

...как на спине дельфина – Арион. – Согласно античному мифу, дельфин, очарованный пением Ариона, спас его во время кораблекрушения, вынеся на своей спине на берег из бушующих волн.

Стр. 119. Шепни ему, что я не я, а евнух... – Кастраты пенились как певцы-исполнители дискантовых партий.

Вы евнух, я немой... – В турецких гаремах наряду с евнухами были и немые прислужники.

Стр. 123. ...подкрепись-ка скорее стаканчиком канарского. – Крепкое канарское вино (с Канарских островов) очень ценилось в Англии.

Стр. 124. ...так же боятся пыли, как портреты миссис Молл. – Миссис Молл - известная лондонская куртизанка времени Шекспира. Портрет ее завешивался под предлогом предохранения от пыли, но в действительности оттого, что оригинал пользовался дурной славой.

607

Стр. 124-125. Гальярда, куранта, джига – названия популярных в те времена танцев.

Стр. 125. Телец? Это который грудь и сердце? - Согласно астрологическим представлениям той эпохи, небесные светила оказывали влияние на отдельные части человеческого тела.

Стр. 128. Квинапал – вымышленное имя.

Стр. 131. Да ниспошлет тебе Меркурий умение складно врать... – Меркурий (миф.) - бог торговли; считался покровителем тех, кто обмеривал или обвешивал, и вообще всякого рода лгунов.

Стр. 133....как столб у дверей шерифа. – У входа в помещение, где заседал шериф (судья округа), обычно устанавливались два столба со скамьей между ними, на которой сидели просители или арестованные, ожидавшие очереди.

Стр. 140. Мессалин – вымышленный город или, может быть, остров.

Стр. 143. ...наша жизнь состоит из четырех стихий. – Древние философы утверждали, что мир состоит из четырех стихий (или «Элементов»): земли, воды, воздуха и огня.

Видели вы вывеску «Нас здесь трое»? – На вывесках некоторых таверн того времени в виде шутки изображались две ослиных головы с надписью «А третий - тот, кто на них смотрит».

Стр. 144. Пигрогромитус, вапианцы, Квеубусский меридиан – вымышленные имена и названия.

Мирмидонцы – древнегреческое племя. Вся эта фраза шута – нарочитая нелепица.

Стр. 146. «Мы трое славных весельчаков», «Жил в Вавилоне человек...». – Вся речь сэра Тоби пересыпана отрывками из баллад того времени.

Стр. 148. ...с ними свою цепь и начисти ее как следует. – Дворецкие знатных домов носили на груди золотую цепь.

Стр. 150. Пентезилея – царица мифического племени амазонок (женщин-воительниц).

Стр. 151....в том дворце, где властвует любовь – то есть в сердце.

Стр. 157. Иезавель - упоминаемая в библии иудейская царица, отличавшаяся гордостью и порочностью. Сэр Эндрю употребляет ее имя как ругательство, обращенное к Мальволио.

Стр. 163. Тартар – в античной мифологии преисподняя, ад.

Стр. 165. ...слова сделались настоящими продажными шкурами с тех пор, как их опозорили оковами. – Намек на указ 1600 года, вводивший в театр цензурные ограничения.

Стр. 166. ...если эту штуку спарить с другой... – Шут говорит о монете, которую ему дала Виола.

Пандар – см. пьесу «Троил и Крессида».

Крессида-то была попрошайкой. – В английских балладах XVI века рассказывалось, что в наказание за ее неверность боги осудили Крессида в старости на нищету.

Стр. 169. Вы больше усладили бы мой слух, чем музыкою сфер. – По представлению древних, мир состоял из нескольких вложенных одна в другую движущихся хрустальных сфер с укрепленными в них звездами, которые вращались внутри охватывающей мир сферы неподвижных звезд. При вращении сферы эти издавали будто бы музыкальные звуки, сливавшиеся вместе в гармонию, доступную лишь слуху «избранных».

608

Стр. 172. ...еще до того, как Ной стал моряком. – То есть до «всемирного потопа» (о котором рассказывается в библии), когда Ной построил свой ковчег.

...по мне, уж лучше быть браунистом... – Браунисты - последователи Роберта Брауна, основавшего около 1580 года пуританскую секту.

...шириной в уэрскую кровать в Англии. – Один трактирщик в городе Уэре в целях привлечения любопытных поставил в своей гостинице гигантскую кровать, в которой одновременно могли поместиться двадцать четыре человека.

Стр. 173-174. ...больше борозд, чем на новой карте с добавлением Индий. – Географическая карта с впервые нанесенными на нее обеими Индиями(азиатской Индией и американской Вест-Индией) незадолго перед тем была напечатана в Англии.

Стр. 177. Римский почерк. – Так называлась (всюду принятая сейчас) закругленная форма букв, в противоположность остроконечному готическому письму.

Стр. 185. ...посвященный в рыцарство... шпагой за кошельковые заслуги – то есть не на поле битвы (за подлинные заслуги), а во дворцовой зале, за деньги.

Стр. 195....древний пражский старец-отшельник - по-видимому, персонаж из какой-то несохранившейся легенды или анекдота.

Стр. 196. ...блуждаешь, как египтянин во тьме. – Намек на библейское сказание о том, что по велению божьему, в наказание за грехи египтян в их земле три дня не светило солнце («египетская тьма»).

Стр. 197. Каково воззрение Пифагора на дичь? – Намек на учение Пифагора о переселении душ из человеческих тел в тела животных и наоборот.

Стр. 200....старый Грех. – Олицетворение Греха или Порока – традиционная фигура средневекового театра. Одетый в длинный балахон, в шапке с ослиными ушами, вооруженный деревянным кинжалом, Грех всячески издевался над Дьяволом, обрубая ему когти, но под конец Дьявол все же утаскивал его в ад.

Стр. 204. Колокол святого Бенедикта – то есть колокол в церкви св. Бенедикта, одном из лондонских храмов во времена Шекспира. Вся эта тирада шута является пародией на средневековые рассуждения о мистическом значении разных чисел.

Стр. 206. ...египетский пират, что перед смертью хотел убить любимую? – В романе Гелиодора «Эфиопика» (III-IV вв. н. э.), изданном в английском переводе в 1569 году, содержится рассказ о том, как разбойник Фиамид, видя свою неминуемую гибель и не желая, чтобы его прекрасная пленница Хариклия пережила его, решил ее убить.

А. Смирнов

¹ На народном испанском языке! (*Исп., искаж.*)

² Почему? (*франц.*)

³ Клобук не делает человека монахом (*лат.*).

⁴ Мягкая мозговая оболочка (*лат.*).

⁵ Diluculosurgere saluberrimum est – рано вставать полезно (*лат.*).

⁶ Храни вас бог, сударь (*франц.*).

⁷ И вас также; ваш слуга (*франц.*).

⁸ В спальню (*лат.*).

⁹ Добрый день (*исп., искаж.*).